F 109
286
1839

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

10 Іюня 1839.

МОСКВА.

F 109
286

801-85
9926-1

ОБЪ УЛОЖЕНІИ

И ПОСЛѢДУЮЩЕМЪ ЕГО РАЗВИТІИ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Ординарнымъ Профессоромъ, Докторомъ Правъ

Ѳедоромъ Морошкинымъ.

Іюня 10 дня 1839 года.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1839.

Напечатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университетскаго Совѣта. Іюня 5 го дня 1839 года.

Секретарь Совѣта Михаилъ Назимовъ.

2007051373

РѢЧЬ.

Истекаетъ третій академическій годъ отъ преобразованія Университетовъ. Студенты, нынѣ оканчивающіе ученіе, со втораго года вступленія въ Университетъ воспользовались благами сего преобразованія. Начальство Университета, признательное къ ихъ дарованіямъ и трудамъ, отпускаетъ ихъ съ именемъ гражданъ въ нѣдра семействъ и въ нѣдра великаго семейства — Матери-Россіи. Наука исполнила свое назначеніе. Наставники внушили имъ любовь къ истинѣ и добру; а благородная власть надзора запечатлѣла въ ихъ сердцахъ повиновеніе властямъ и уваженіе къ особѣ ближняго. Благородные юноши, будьте мужами, и послужите вѣрою и правдою Государю и Отечеству!

Пріятно видѣть обновленіе Университета въ семъ новомъ поколѣніи Студентовъ; утѣшительно наблюдать въ нихъ постепенное развитіе мысли, совершаемое дѣйствіемъ Университета! Студенты перваго года изучаютъ букву науки, и не проникаютъ въ духъ ея; — поступаютъ на второй курсъ, и безмолвная ихъ мысль примѣтно возрастаетъ, укрѣпляется; и наконецъ въ четвертомъ годѣ является чистая, вооруженная правильнымъ и изящнымъ словомъ. — Четвертый годъ принесетъ безчисленныя пользы Государственной службѣ и народному просвѣщенію: ибо онъ порази-

шельно сдружаетъумъ съ наукою. Во всѣхъ Факультетахъ отразилось это благодѣтельное дѣйствіе преобразованія. Но обращаясь къ Факультету Юридическому, какъ ученикъ и наставник прежняго Университета, свидѣтельствую, что онъ не преобразованъ, а созданъ впервые новымъ Уставомъ Университетовъ. Безспорно, юриспруденція Московскаго Университета современна его основанію, и по мѣрѣ силъ служила для Отечественнаго Законодательства; но всё это пространство времени не представляетъ ничего, что бы могло оправдать надежды Правительства. Неустроенное Законодательство своею огромною массой уничтожало всякую надежду на ученое его преподаваніе. Страхъ безмѣрнаго труда овладѣлъ юридическими умами. Молодые учёные, предвидя обширное поле выгодъ и чести въ Гражданской службѣ, отказывались посвятить себя профессорскому служенію, соединенному съ трудомъ безконечнымъ и безотраднымъ. Если же и бывали нѣкогда Профессоры, то не было Студентовъ къ воспріятію ихъ ученія; бывали также и Студенты, для которыхъ не было Профессоровъ. Бывали времена, когда немногіе изъ учащихся искренне вѣрили, что юриспруденція есть наука, и Канцеляріи Присутственныхъ Мѣстъ усердно поддерживали эту мысль, и даже требовали отъ вступающихъ на службу, чтобъ они за порогомъ Канцеляріи отрясли прахъ на всѣ классическія права и многовѣщанныя теоріи законовѣденія! Ужели и теперь это продолжится? Ужели и теперь ремесленный навыкъ къ приложенію законовъ воспоржествуетъ надъ благородной наукой и будетъ ушѣшать себя невольнымъ отступничествомъ? — Я не думаю, чтобъ это могло случиться. Только малодушный отречется отъ теоретическихъ знаній переходя къ занятіямъ практическимъ, когда по несчастію встрѣтитъ на службѣ принципала, коснѣющаго въ понятіяхъ грубой эмпиріи.

Правда, не всѣ науки Юридическаго Факультета пользуются равнымъ благосостояніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ доведены до такого совершенства, что одно дарованіе Профессора возбуждаетъ уже въ слушателяхъ глубокое вниманіе и производитъ очарованіе истины; но другія — тяжелы для Студентовъ, и еще тяжелѣе для самихъ Профессоровъ; покрайней мѣрѣ я такъ думаю о Русскомъ Гражданскомъ Законовѣденіи, и еще объ нѣкоторыхъ частяхъ сей науки. Я знаю, что Студенты изъ аудиторіи Гражданскихъ Законовъ не понесутъ истинно ученаго знанія; знаю, что они при первомъ вступленіи на службу почувствуютъ всѣ недостатки нашей науки, и ихъ теоретическія знанія изчезнутъ какъ капля въ необозримомъ морѣ судебной практики. Я это предвижу и предсказываю. Но на сей разъ я имѣю предубѣжденіе, что наши Студенты, сдѣлавшись практиками, не будутъ упрекать насъ въ томъ, что мы не ввели ихъ во всѣ таинства Юриспруденціи, не познакомили ихъ со всѣми пріемами сего высокаго искуства. Они сами довольно убѣждены, что это дѣлается не вдругъ, а постепенно, общими силами и желаніями. Мы дѣлали для нихъ обозрѣніе исторіи нашего законодательства, мы разкрывали имъ судьбы Отечественной юриспруденціи, и остановились на той мысли, что у насъ весьма не много сдѣлано для сей науки. Въ практикѣ нѣтъ теоріи, а теорія не имѣетъ матеріаловъ, приготовленныхъ практикою. Однакожь не теряя надежды на будущее, я тысячу разъ указывалъ моимъ слушателямъ и твердый грунтъ, на коемъ должно основать зданіе науки, и богатые пріиски, гдѣ можно добывать матеріалы для его сооруженія, и теперь, въ сей торжественный день Университета, съ одушевленіемъ, приличнымъ торжеству, я могу говорить только о судьбѣ Отечественной юриспруденціи.

Почтенные посѣтители, отъ коихъ и мы и слушатели наши ожидаемъ совѣтовъ въ общемъ дѣлѣ Отечественнаго законовѣденія! — будьте снисходительны къ моимъ убѣжденіямъ въ истинахъ, не весьма обслѣдованныхъ и не для всѣхъ занимательныхъ; — и если встрѣтите недостатки, безъ осужденія..... пожелайте намъ силъ и средствъ къ достиженію вожделеннаго совершенства. *Слово объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи!*

Уложеніе составлено въ 1649 году повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, трудами и искуствомъ Бояръ: Князя Никиты Ивановича Одоевскаго, Князя Семена Васильевича Прозоровскаго, Окольничаго Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго, и Государевыхъ Дьяковъ: Гавріила Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова. Государь и Великій Земскій Соборъ Уложеніе слушали, утвердили и на мѣрѣ поставили. Съ тѣхъ поръ Уложеніе начало свое дѣйствіе въ предѣлахъ Русской земли и до изданія Свода Законовъ пребыло главнымъ источникомъ Законодательства. Сіе восемьдесятъ шесть лѣтъ лучшей исторіи, оно правило жизнію Русскаго народа, покровительствовало правыхъ, исправлялоослушныхъ и карало преступниковъ, — довольно и славы и добра, — и даже теперь, когда Царствующій Законодатель, по примѣру великихъ Царей, собравъ воедино разбросанные члены Законодательства, причислилъ Уложеніе къ памятникамъ прошедшаго, оно вѣчно пребудетъ главнымъ источникомъ Отечественной Юриспруденціи. Оно вѣчно пребудетъ историческимъ первообразомъ Русскаго Законодательнаго ума, Русскаго Гражданскаго быта и Юридическаго слова. Придетъ время, когда Русская Юриспруденція, извѣдавъ чужеземныя начала правды, снова обратится къ Уложенію, какъ великому истолкователю народнаго генія, и воздастъ ему почести, какія нѣкогда воздавали сыны Рима безмертнымъ XII Таблицамъ. Уложеніе родословно какъ Москва, патріахально какъ Русскій народъ и грозно какъ Царскій гнѣвъ. Судьбы Отечества отпечатлѣлись въ немъ всѣми эпохами славы и уничиженія, народныя племена всѣми юридическими понятіями, народная жизнь всѣми завѣтными мыслями и наклонностями. По мѣсту своего произхожденія будучи Уложеніемъ Москвы, по времени изданія произведеніемъ упорной старины, оно какъ будто приковываетъ народъ къ неподвижному основанію Московской мѣстности и древнихъ обычаевъ; но будучи Соборнымъ по своимъ источникамъ и редакціи, оно поставлено на распутіи Русской Исторіи: оно вольно было принять всѣ

стихіи Русской общественной жизни, и дѣйствительно ихъ приняло и уложило. Уложеніе не отвергаетъ и чужеземнаго, не противившися преобразованіямъ и усовершенствованіямъ; но при этомъ оно хочетъ быть самобытнымъ, хочетъ быть Уложеніемъ Москвы, — оно хочетъ быть единымъ, послѣдовательнымъ, народнымъ. Въ этомъ отношеніи оно упорнѣе самой Россіи. Когда наше Отечество подклонило свою главу подъ остріе преобразованія, одно Уложеніе пробилось сквозь ряды иностранныхъ регламентовъ и побѣдоносно возлегло на тронѣ Екатерины II. Законники новаго направленія тщетно покушались замѣнить его новымъ Уложеніемъ; ничто не могло поколебать его; одинъ Сводъ Законовъ восторжествовалъ надъ нимъ могущею волею НИКОЛАЯ I. Сводъ Законовъ превосходитъ Уложеніе, какъ Россія НИКОЛАЯ I превосходитъ своимъ величіемъ Московское Государство Царя Алексѣя Михайловича; но какъ въ основаніи настоящаго величія лежитъ Московская земля, купленная кровію нашихъ предковъ: такъ кротость Свода Законовъ красуется на кровавомъ подножіи Уложенія. Священная старина! Лестно для меня бесѣдовать о ней въ такомъ блистательномъ Собраніи, гдѣ каждый сочувствуетъ отголоскамъ народной славы и въ силахъ упредить медленное воображеніе оратора. О, какъ бы я желалъ имѣть даръ краснорѣчія, котораго вполнѣ достойны и Собраніе и предметъ настоящаго бесѣдованія!

Разсматривая Уложеніе, я обращу вниманіе на причины его изданія, потомъ на его источники и юридическія начала, и заключу переворотомъ, который оно потерпѣло въ царствованіе Петра Великаго.

Для всѣхъ событій Исторіи есть причины отдаленныя и есть причины близкія. Уложеніе имѣетъ свои причины *отдаленныя*. Начало и конецъ всего творенія есть единство. Все исходитъ изъ единства и стремится къ единству. Это законъ природы и Всемірной Исторіи. Чѣмъ совершеннѣе физіологическое образованіе народныхъ племенъ, чѣмъ правильнѣе раскрываются въ нихъ естественныя силы, тѣмъ дѣятельнѣе въ нихъ стремленіе къ единству. Великіе народы, какъ великіе умы, всегда отличались непобѣдимымъ стремленіемъ къ единству; народы малые всегда противились сему закону, — и Всемірная Исторія осудила ихъ работать чуждому началу и чуждымъ властямъ. Конечно, всё великое въ народахъ требуетъ не маловажныхъ усилій и не безкровныхъ жертвъ, —

слёзы и скорбный плѣнъ послѣдуютъ ему; но когда падутъ преграды, на семъ пути встрѣчаемыя, когда умолкнутъ вопли побѣжденныхъ: тогда Провидѣніе вводитъ побѣдителя на поприще Всемірной Исторіи и вручаетъ ему жезлъ власти надъ народами. Исторія чтитъ его именемъ классическаго народа. Народы Азіи не выходили никогда изъ первобытнаго единства, совмѣщая въ себѣ начало и конецъ своей исторіи, а обитатели Африки не хотѣли никогда разстаться съ языческимъ разнообразіемъ; за то Исторія осудила ихъ на вѣчное порабощеніе природѣ или служеніе народамъ достойнѣйшимъ. Но Греки и Римляне, возбуждаемые началомъ движенія, благородными усиліями и трудами изъ малыхъ племенъ сдѣлались великими народами, наставниками и повелителями цѣлаго міра. Они стремились къ единству, и достигли своей цѣли. Греческая душа выразилась въ пропорціяхъ общественнаго быта, въ гармоніи ума, воли и чувства, и даровала Всемірной Исторіи великихъ законодателей для сего нравственнаго благоустройства. Иная цѣль была стремленію Рима. Это народъ внѣшняго порядка. Великій, могущественный Римъ неуклонно стремился къ единству власти, и побѣда его совершилась: онъ сложился изъ всѣхъ земнородныхъ, изъ всѣхъ формъ религіи, изъ всѣхъ земныхъ властей. Это *Orbis terrarum*—Великая Имперія, вѣнчанная Сводомъ Юстиніана, съ царственнымъ священіемъ правды на челѣ своемъ.

Примѣняя бытіе нашего Отечества къ всемірному закону единства, мы находимъ, что и оно получило отъ природы сіе живое стремленіе, и воля Провидѣнія чудесно ведетъ ее къ сему великому назначенію. Россіи дано внѣшнее единство, мужественное племя Славянъ, нераздѣленное никакими мѣстными преградами, никакими сильными разнородцами; Россіи дано внутреннее единство — Христіанская вѣра, начало вѣчнаго обновленія и усовершенія народовъ. Утвержденная на сихъ единствахъ, не смотря на всѣ препятствія, встрѣчаемыя ею, не смотря на разрушительное дѣйствіе системы удѣловъ, Татарскаго ига, недоброхотства сосѣдей, Россія бодро идетъ къ предназначенной цѣли. Терзаемая Удѣльными Князьями, она воздвигала пастырей Церкви умолять враждующихъ о мирѣ православнаго міра именемъ Вѣры и Отечества. Потомъ Татары терзали ее своими нашествіями и наѣздами; но и здѣсь сознаніе единства духа и крови отстояло бытіе Царства противъ имперіи, невѣдущей единства. Наконецъ во время междуцарствія недоброхотство сосѣдей и честолюбіе Римскаго Двора, подстрекаемыя раздорами безгосударнаго правленія, мечтали погубить Россію, — и встрѣтили страшное пробужденіе народнаго сознанія о единствѣ. Россіяне возстали на защиту Отечества „яко мужъ единъ“, и сокрушили силу своихъ враговъ. Это сознаніе было только въ духѣ народныхъ племенъ и духовенства; оно могло

спасать Россію отъ распаденія и порабощенія; но безсильно было вести ее къ дальнѣйшему назначенію, къ высшему благоденствію. Стремленіе къ единству осуществилось гораздо внутреннѣе, дѣйственнѣе въ лицѣ Государей: къ племенному и духовному единству пріобщается единство политическое. Іоаннъ III и Іоаннъ IV и мыслятъ и хотятъ исполнить святое желаніе Церкви и влеченіе племенъ. Россія неудержимо стремится къ единству Царства и народа! Московское самодержавіе запахиваетъ рубежи, срубаетъ грани областей; географическое пространство стянулось въ Кремлѣ, и побѣждающее единство открыло свои дѣйствія на всѣхъ пунктахъ разобщенной Россіи. *Псковская Правда взлетѣла на воздухъ*; Новогородская предана на потокъ и разграбленіе; Рязань и Тверь увлечены всеобщимъ тяготѣніемъ событій: сила центральнаго влеченія заставила ихъ вращаться въ сферѣ Московскаго владычества. Все *потянуло къ Москвѣ!* Померкли свѣтлые Князья Русскихъ градовъ предъ величествомъ Царя Московскаго и всея Россіи! Москва и вся Россія! — два образа единаго могущества! Удѣльные силы съ ихъ родословными Князьями садятся вкругъ священнаго Кремля. Здѣсь Новгородъ и Волга въ гостяхъ и черныхъ тяглецахъ; здѣсь изстаринная храбрость Рязанская и Бѣлозерская, и книжная мудрость Кіева, и работящій смыслъ Владиміра, и художный умъ Суздаля. Все священное и земное сосредоточилось въ Москвѣ; здѣсь единство Россіи въ ея безконечномъ разнообразіи; здѣсь соборное Царство, соборный народъ, соборное Законодательство! Пали средостѣнія Русскихъ племенъ, и Царь повелѣлъ: „чтобъ вездѣ было всё его великаго Государя Государство, и опричь бы его Государя (торговые и промышленные люди) *ничьимъ именемъ не назывались.*“ По царственному слову Князья изчезли въ имени Царя!

Это общій законъ единства, которому подчинены всѣ народы въ ихъ историческомъ движеніи. Россія исполнила его бытіемъ Царства Московскаго и всея Россіи. Но кромѣ сего всемірнаго закона, есть законъ мѣста и времени, создавшій единство Царства и законодательства. Если мы вникнемъ глубже въ историческія тайны Россіи и въ самое сознаніе Русскаго народа, въ которомъ онъ всѣ славныя дѣла свои, всю сущность земнаго бытія полагаетъ въ имени Царя; то мы должны убѣдиться, что искони тёмная идея восточнаго самодержавія, можетъ быть современнаго Геродоту и Солону, пріосѣняла нашу землю и жила въ воспоминаніи Волжскихъ племенъ Руси, — можетъ быть это была царственная земля храбрыхъ Хазаровъ (Σκυθοι Βασιλιοι), которые изчезли изъ міра и изъ лѣтописей, въ темномъ преданіи оставивъ намъ идею своего Царя.

Сія-шо идея блуждала, упраздненная на берегахъ Волги и Дона, до тѣхъ поръ, пока Татарскіе повелители вновь не воплотили ее въ своемъ пустынномъ величествѣ. Россія поклонилась недостойному ея образу! Наконецъ воспрянула Русская земля, отрясла съ себя Азійскія орды, и достояніе соплеменныхъ Хазаръ обновилось въ свободномъ величествѣ Іоанна Грознаго. Такъ, идеи никогда не умираютъ! Сбрасывая бренныя тѣла Царствъ земныхъ, онѣ скитаются по всемірной исторіи, доколѣ не войдутъ въ новыя, мужественныя тѣла народовъ и Царствъ. Есть гостепріимные климаты, есть небеса, кои призываютъ къ себѣ этихъ всемірныхъ посѣтителей, и предаютъ имъ во власть племена и царства. Русская земля создана для Монархіи! Но восточная идея самодержавія, стремящаяся всё превратить въ пустынное единство, встрѣтила временное вліяніе на Сѣверъ Христіанской Византіи, гдѣ восточная идея царства живетъ органическою жизнію Запада, безконечнымъ разнообразіемъ частныхъ жизней, кои, совершивъ свои временные круги, возвращаются въ лоно единой государственной жизни. Такъ Русская церковь, основанная на іерархическомъ единствѣ Византіи, въ тоже время выражаетъ періодическое начало древней Греціи. Византія вручила намъ Вѣру, клиръ Церковный и Церковные Законы — и мы приняли ихъ, какъ залогъ непрерывнаго движенія и усовершенствованія духа.

Въ то время, какъ Россія отъ механическихъ потрясеній сильно наклонилась къ Востоку, отдаленная Европа, какъбы провидя въ ней будущую опору своего бытія, поддерживала ее вѣяніемъ классическихъ идей. Россія не имѣла для себя образца въ великомъ законодательствѣ Юстиніана; но благосклонная Европа удѣлила ей часть сего общаго Европейскаго наслѣдія. Единоплеменная Польша передавала намъ классическія идеи въ Кіевъ; наемные капитаны и генералы заносили ихъ въ самую Москву. Москва слышала отголоски великой законодательной работы на Западѣ; она сочувствовала всѣмъ земнымъ властямъ, сокрушающимъ престолы невѣнчанныхъ Царей. Всё, что̀ поборало по единствѣ народовъ, прельщало ея духъ. Литва издала Статутъ; Москва — Уложеніе!

Наконецъ намъ извѣстны *и ближайшія побужденія* къ изданію Уложенія. Не задолго до сего изданія прекращеніе царствующаго Дома Рюрикова произвело *безгосударное состояніе.* Россія разрѣшилась на области, Москва на партіи; не стало власти и закона: всё было ниспровергнуто, всё истреблено; уцѣлѣло одно неподвижное основаніе — Вѣра отцовъ; она-то возстала противъ анархіи и спасла отечество отъ гибели. На престолъ восходитъ Домъ Романовыхъ; явился Царь, явилось Царство. На-

долгало дать законную форму обновленному обществу, и вотъ является Уложеніе! Уложеніе утвердило Царскую власть, единство Государства, безопасность личности и святость собственности каждаго.

И такъ Уложеніе въ Исторіи Русскаго Законодательства имѣетъ высокое значеніе. Оно есть произведеніе всемірнаго стремленія народовъ къ единству; въ немъ исчезаютъ уставы древнихъ областей Россіи. Оно есть плодъ вліянія Византійскаго законодательства и Литовскаго Статута; оно есть настоятельная потребность времени.

Исторія столь славнаго законодательнаго подвига сохранила намъ почтенныя имена редакторовъ Уложенія — надъ нимъ трудились Бояре и Дьяки; но мы не знаемъ ни подробностей жизни ихъ, ни степени образованія, ни особенностей ихъ юридическаго направленія. Все равно, мы можемъ обойтись безъ сихъ пособій и сказать, что Уложеніе, не смотря на свой духъ, строго національный, не могло быть произведеніемъ вѣковъ варварскихъ. Оно издано въ половинѣ XVII вѣка; а мы знаемъ, что Бояре еще въ XVI вѣкѣ знакомы были съ классическими писателями Рима и со Всемірной Исторіею. Въ XVII вѣкѣ мы видимъ уже излишества и злоупотребленія народнаго ума — вольнодумство и запрещенныя книги — общественное зло, которое впрочемъ свидѣтельствуетъ и присутствіе добра, пробужденіе новыхъ потребностей духа. Въ XVII вѣкѣ началось домашнее и публичное воспитаніе благороднаго юношества подъ руководствомъ образованныхъ иностранцевъ и Малороссіянъ. Правда, общее направленіе умовъ болѣе склонялось къ изученію буквы Священнаго писанія и сочиненій Отцевъ Церкви; но и эта форма духовнаго просвѣщенія, при теплотѣ Вѣры и чувства, могла возвысить умъ къ высокимъ помысламъ и приготовить его къ правильнѣйшему образованію. Изъ этой школы вышелъ Іоаннъ Грозный, богословъ и оракоръ своего народа, и множество дьяковъ, которые, какъ свидѣтельствуютъ писанныя ими граматы, имѣли не обширное, но твердое образованіе. Замѣчено, что богословское направленіе весьма благопріятствуетъ успѣхамъ юриспруденціи, воздерживая умъ отъ порывовъ самовольства, и изощряя въ немъ послушный истолковательный тактъ. Наконецъ, самъ Законодатель, Царь Алексѣй Михайловичь, по отзыву лучшихъ людей Царства Московскаго, получилъ отъ отца и дѣда истинно Царское воспитаніе: „онъ былъ во всякой философской хитрости искусенъ, и храброму ученію навыченъ, и по своей мудрости и Царскому милосердію достоинъ царствовать надъ многими Государствы.“ Мы знаемъ его систематическій духъ, выраженный имъ, кромѣ Уложенія, въ изда-

ній Кормчей книги и уставовъ: Ратнаго, Сокольничаго и Корабельнаго. Если не только дѣло, но и Царскую потѣху онъ старался привести въ систематическій порядокъ; то это уже одно можетъ оправдать высокое объ немъ мнѣніе его подданныхъ. Наконецъ, если достовѣрнѣйшимъ признакомъ просвѣщеннаго ума Царей служитъ Царское воспитаніе наслѣдниковъ престола; то въ этомъ отношеніи нашъ Алексѣй Михайловичъ, Царь милосердый и ласковый, Государь умильнаго взора, казался истиннымъ мудрецомъ на Московскомъ престолѣ. Ѳедоръ Алексѣевичъ имѣлъ наставникомъ знаменитаго ритора и богослова Симеона Полоцкаго; зналъ хорошо языкъ Латинскій, Математику, любилъ музыку и поэзію. Пристрастные видѣли въ немъ только охотника до рѣзвыхъ лошадей и кипитора конюшенъ; но въ настоящее время мы чтимъ его какъ истребителя вреднѣйшаго изъ Русскихъ обычаевъ — мѣстничества, основателя и перваго вкладчика Славяно-Греко-Латинскій Академіи, которой Отечество обязано бытіемъ Семинарій, преобразователемъ языка Ломоносовымъ, и первыми Студентами и Профессорами Московскаго Университета. Итакъ мы ясно видимъ, что Россія въ XVII вѣкѣ быстро шла къ просвѣщенію, и притомъ мѣрно, безъ потрясеній. Москва наполнена была иностранцами изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ. Цари выписывали изъ-за моря Астрономовъ и Географовъ, Медиковъ, Аптекарей, ремесленниковъ, рудознатцевъ и механиковъ, — приглашали на службу солдатъ и генераловъ, и въ тоже время сами посылали Русскихъ юношей за границу для наученія разнымъ заморскимъ хитростямъ. — Среди этихъ событій составлено Уложеніе. Оно явилось въ лучшее время Русской Исторіи, именно тогда, когда привязанность къ старинѣ и влеченіе къ новизнѣ были еще въ равновѣсіи. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ началось уже преобразованіе.

Основательное просвѣщеніе и опытность въ Государственномъ управленіи всегда бываютъ осмотрительны. Великіе законодатели не имѣли суетной славы творить новыя Государства и новые законы. Извѣдавъ иностранныя учрежденія, они останавливались на правахъ своего народа, извлекая изъ нихъ лучшее для своего законодательства. Такъ думали Солонъ и Ликургъ; такъ думали Римляне; такъ думалъ и нашъ Законодатель, Царь Алексѣй Михайловичъ. Составляя Уложеніе, онъ внесъ въ него не болѣе 19 статей новыхъ, да и тѣ были составлены совѣтомъ Бояръ по случаю возникшихъ недоумѣній въ судебныхъ дѣлахъ: слѣд. и эти статьи можно разсматривать какъ объясненіе или развитіе законовъ уже изданныхъ. Всѣ же прочія принадлежатъ къ прошедшему времени. Источ-

ники Уложенія указаны самимъ Законодателемъ. Государь говоритъ объ нихъ такимъ образомъ: „которыя статьи написаны въ правилѣхъ Св. Апостолъ и Святыхъ Отецъ и въ Градскихъ Законахъ Греческихъ Царей, а пристойны тѣ статьи къ Государственнымъ и къ Земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать, и чтобы прежнихъ великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ и отца Его Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, указы и Боярскіе приговоры на всякіе Государственныя и Земскія дѣла собрать, и тѣ Государскіе указы съ старыми судебниками справить. А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ Государей въ прежнихъ судебникахъ указу не положено, и Боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, и тѣ бы статьи потому же написать и изложить по его Государеву указу общимъ совѣтомъ.“ И такъ по собственному указанію Законодателя къ составленію Уложенія приняты слѣдующіе источники:

1. Правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ.

2. Градскіе Законы Греческихъ Царей.

3. Прежніе Судебники, указы Государей и Боярскіе приговоры.

4. Статьи перѣшенныя ни прежними судебниками, ни Царскими указами; и наконецъ, вѣроятно, съ послѣдовавшаго разрѣшенія Царя

5. Литовскій Статутъ.

I. *Правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ и Градскіе Законы Греческихъ Царей.*

Россія рано познакомилась съ Церковнымъ Греческимъ Правомъ. Нашъ Лѣтописецъ Преподобный Несторъ говоритъ: „еже и по всей землѣ Русстей во всѣхъ Княженіяхъ Соборныя церкви Епископовъ сотвори Великій Князь Владиміръ по прежнимъ Греческимъ Номоканономъ, и вся сосуды (суды) церковныя и оправданія (правà) церковныя даде по прежнимъ Греческимъ Номоканономъ.“ Такимъ образомъ Церковное Греческое Право введено въ Россію въ одно время съ Христіанскою вѣрою. Мы знаемъ, что съ древнихъ временъ въ церковныхъ судахъ Россіи оно имѣло силу закона; и какъ по древнимъ понятіямъ всё право семейственное, право брака, союзъ родителей и дѣтей, завѣщанія отнесены къ Церковнымъ Судамъ:

но всѣ сіи учрежденія образовались у насъ по Римской формѣ. Уложеніе упоминаетъ объ нихъ мимоходомъ, какъ о предметѣ, не принадлежащемъ къ земскому законодательству. Далѣе, хотя Греческій Номоканонъ выставленъ первымъ источникомъ къ составленію Уложенія; однакоже не многія статьи изъ него заимствованы, да и тѣ по праву уголовному, какъ требовали обстоятельства времени. Россія не давно вступила на степень Государства, и потому смертная казнь казалась для ней дѣломъ совершенно новымъ. Во многихъ случаяхъ сія казнь была употребляема по волѣ Государей земли; но это не сообщало ей санкціи высшаго разума. Только Божественный Законъ и вѣнчанная власть могли утвердить столь высокое право Государства, и Кормчая Книга служила въ этомъ случаѣ высшимъ авторитетомъ. Сверхъ сего заимствованіе уголовныхъ законовъ объясняется самымъ характеромъ Святительскихъ Судовъ, гдѣ Кормчая Книга имѣла силу Закона. Сущность церковнаго правосудія составляетъ какъбы уголовную правду Царства Божія, судъ нравственныхъ преступленій; — стоило сдѣлать шагъ за черту нравственнаго закона, и уголовное право внѣшнее вдавалось въ вѣдомство внутренняго судилища (Forum internum). Уголовная часть Уложенія, но въ особенности послѣдующія Новоуказныя Статьи, наполнены Римскими началами вмѣненія преступленій — стороны, которой вовсе недоставало въ Земскомъ Уголовномъ Правѣ.

Церковнымъ судилищамъ близка была только уголовная часть Римскаго Законодательства; но Право Гражданское, гдѣ въ особенности сіяетъ геній классической юриспруденціи, для нихъ казалось дѣломъ посторонимъ, исключая тѣхъ мѣстъ, кои опредѣляютъ юридическій характеръ церковныхъ имуществъ: недвижимость, неотчуждаемость и т. п. По этому гражданская часть Римскаго Законодательства едва замѣтна въ Уложеніи; но и сими немногими статьями Уложеніе обязано почти одному Литовскому Статуту, въ который онѣ вошли не прямо изъ Римскихъ источниковъ, а чрезъ посредство Глоссы Саксонскаго Зерцала. Безъ этихъ статей Уложенія мы до сихъ поръ оставались бы въ невѣдѣніи Римскихъ началъ о вмѣненіи убытковъ по правамъ вещнымъ (damnum). Уложеніе начинаетъ различать *dolus, culpa lata, levis, custodia et diligentia patrisfamilias.* — Послѣ Уложенія въ Новоуказныхъ Статьяхъ начинается рядъ заимствованій гражданскихъ законовъ изъ Кормчей Книги, слѣд. опять чрезъ посредство Церковныхъ Судовъ. Изъ сего можно заключить, какихъ важныхъ перемѣнъ должна была ожидать Русская гражданская юриспруденція отъ сихъ нововведеній, еслибъ не было къ сему по-

ложно преграды въ царствованіе Петра Великаго. Онъ изъялъ многія земскія дѣла изъ церковнаго вѣдомства, и Римское вліяніе прекратилось.

2. *Судебники, указы и Боярскіе приговоры.*

Судебникъ былъ развитіемъ Русской Правды, которой самое имя уже показываетъ, что она была Судебникомъ первыхъ временъ нашего общественнаго быта; а Уложеніе есть развитіе Судебника. Между всѣми тремя памятниками законодательства находится тѣсная генетическая связь. Всѣ они состоятъ между собою въ родствѣ по нисходящей линіи, имѣютъ одно содержаніе, и выражаютъ только различныя степени въ юридической обработкѣ сего содержанія. Что же такое Судебникъ? — Судебникъ есть Судъ, Московская Правда. Самое названіе уже показываетъ, что здѣсь нѣтъ самаго права, а только судовая, формальная сторона его. Законодатель устрояваетъ судъ, усаживаетъ судей, устанавливаетъ тяжущихся. — Внѣшнее устройство присутствія составляетъ первую его обязанность. Далѣе, онъ опредѣляетъ зовъ къ суду, средство къ открытію истины, пишетъ реэстръ судебныхъ доказательствъ и оцѣниваетъ ихъ по достоинству. Наконецъ, судья произноситъ приговоръ, составляетъ опредѣленіе и приказываетъ Дьяку изготовить судную, или правую грамату. Здѣсь законъ дѣлается говорливымъ и плодовитымъ: ибо дѣло идетъ объ опредѣленіи судебныхъ издержекъ и взиманіи пошлинъ! Приставъ суда исполняетъ опредѣленіе, беретъ вязебное, хоженое, и возвращается въ свое мѣсто. Вотъ краткій очеркъ Судебника! Я спрашиваю, есть ли тутъ какое нибудь понятіе о правѣ, есть ли тутъ внутреннее содержаніе законодательства? — Кажется, нѣтъ: ибо самое назначеніе Судебника есть ни болѣе, ни менѣе, какъ положеніе объ устройствѣ присутствія и о судопроизводствѣ. Если и встрѣчаются здѣсь положенія самаго права: то это случайно, единственно отъ неискусства разграничить форму отъ содержанія. Если это такъ, то гдѣже самое право, гдѣ лица, которымъ оно принадлежитъ, гдѣ предметы, на которые оно простирается, гдѣ способы пріобрѣтенія, употребленія и прекращенія права? — Право живетъ въ народныхъ обычаяхъ, и вѣщатели его суть *цѣловальники*, *люди добрые*, *люди лучшіе*, избираемые по половинѣ съ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Они-то наполняютъ формы суда матеріальнымъ содержаніемъ. Испытайте судныя дѣла до Судебника и послѣ него до самаго Уложенія: вы не встрѣтите рѣшенія, гдѣ бы Дьякъ, составляя приговоръ, сдѣлалъ ссылку на законъ. Да и нѣтъ въ этомъ надобности. — Судъ есть дѣло Государево; Государю принадлежитъ открытый судъ, ограждать дѣйствіе права, осуще-

ствить, или исполнить право; но самое право есть безусловная принадлежность народа, есть дѣло совѣсти, коей рѣшенія разумѣются всегда прямо, сами собою. Не много мы встрѣтимъ изключеній изъ сего общаго правила. Первое таковое отступленіе обнаруживается въ учрежденіи погашающей давности, которая по тогдашнимъ понятіямъ принадлежала къ порядку судопроизводства, какъ н. п. давность для отыскиванія самовольно и насильно завладѣннаго, давность для выкупа залога, для выкупа родовыхъ, давность для взысканія долга и въ разсрочкѣ платежа для несчастнаго банкропа. Вотъ статьи Судебника, которыя приводятся иногда въ основаніе рѣшеній; но эти статьи не народнаго происхожденія: онѣ обязаны бытіемъ законодателю, принадлежатъ къ судопроизводству. Судья обязанъ знать, кому должно давать судъ, и кому не должно. Естественно, Законодатель, при опредѣленіи порядковъ суда, касается иногда самаго права; но, какъ сказано выше, единственно потому, что онъ не ясно различалъ судъ отъ права.

Вотъ какой источникъ имѣло Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича! По тому понятію, что законодательство должно содержать въ себѣ только формальную сторону, отъ Уложенія нельзя ожидать обширнаго матеріальнаго развитія; — и оно должно имѣть характеръ Судебника, и дѣйствительно его имѣетъ. Но поелику со временъ Судебника до Уложенія народная жизнь изъ селъ начала сосредоточиваться въ города, и особенно въ Столицу; поелику гражданскія отношенія сдѣлались разнообразны, и Законодатели начали двигать народными убѣжденіями и умами: то древнее состояніе права необходимо должно было подвергнуться важнымъ перемѣнамъ. Встрѣчались судныя дѣла, столь сложныя и столь новыя по своему происхожденію, что ихъ или весьма трудно или вовсе невозможно было подвести подъ древніе обычаи. Встрѣчались и такія дѣла, кои по волѣ Государя велѣно было разсматривать по новымъ положеніямъ права, если не противорѣчащимъ, то по крайней мѣрѣ не сходнымъ съ обычаями. Всѣ сіи обстоятельства произвели то, что обычаи народа оказались слабыми обнять народную жизнь, и совѣсть цѣловальниковъ отреклась произносить права, изъ коихъ уже многія вовсе не разумѣлись сами собою. Тогда-то открылся въ исторіи законодательства періодъ переселенія обычаевъ въ положительное законодательство, періодъ прехожденія права въ законъ. Но и это совершилось не вдругъ. Между обычаемъ народа и закономъ Государства есть средство, посредствующее, чрезъ которое обычай, слѣдуя нормальному своему процессу, переходитъ въ

положительный законъ. — Это *юриспруденція судебныхъ мѣстъ, судебные обычаи и рѣшенія дѣла.* Положенія права въ Судебникѣ были недостаточны; а нужда въ нихъ была настоятельная: поэтому судьи, вступая въ должность, старались ознакомиться съ приговорами своихъ предмѣстниковъ, въ которыхъ, естественно, находилось много сходнаго съ предстоящими имъ судебными случаями. Въ какомъ же отношеніи была эта судебная юриспруденція къ законодательству? — Такъ какъ въ Судебникѣ почти не было положеній о самомъ правѣ; ибо оно большею частію жило еще въ народномъ сознаніи и въ фактахъ гражданской жизни, освященныхъ одною древностію: то первымъ дѣломъ Судебныхъ мѣстъ было усвоить всѣ народныя понятія о правѣ, или, по выраженію древнѣйшей юриспруденціи, дать тяжбамъ „*отъ вѣка судъ*“, т. е. въ рѣшеніяхъ своихъ о каждомъ фактѣ жизни, н. п. о владѣніи холопями, уплатѣ долгу, наслѣдованіи и т. п. основываться на тѣхъ правилахъ, кои приняты изъ глубокой древности — „*судить по старинѣ и по пошлинѣ.*“ Но какъ съ другой стороны нѣкоторыя права въ семъ періодѣ получили мѣсто и въ самомъ законодательствѣ, получили значеніе закона, и однакожъ по своей краткости, случайности или излишне обширному объему были неудобны въ приложеніи къ дѣламъ: то здѣсь получили начало не то — что̀ толкованіе, а извѣстныя правила примѣненія закона къ дѣламъ. Законъ былъ суровъ и не гибокъ; дѣло Присудственныхъ Мѣстъ было дать ему мягкость и гибкость въ приложеніи. Наконецъ встрѣчались и такія дѣла, кои не возможно было рѣшить ни по обычаямъ, ни по Судебнику: ибо ни въ томъ ни въ другомъ не было о семъ никакого положенія; въ такомъ случаѣ Присудственное Мѣсто, не докучая докладомъ законодательной власти, руководствовалось здравымъ смысломъ, и смотрѣло только на то, чтобъ не придти въ противорѣчіе съ обычаями жизни и съ положеніемъ Судебника или указомъ Государевымъ. Итакъ первоначальные Боярскіе приговоры заключали къ себѣ слѣдующія стихіи: 1) право по сознанію народа, 2) объясненія Судебника и указовъ, 3) положенія здраваго разсудка, или Логику Судей. Но эти простыя стихіи права съ теченіемъ времени, какъбы химически соединяясь между собою, взаимно себя видоизмѣняли и умѣряли, какъ видно во множествѣ Боярскихъ приговоровъ Уложенія и послѣ Уложенія. По этой системѣ каждый новый приговоръ суда становился правиломъ для послѣдующихъ. Симъ способомъ могла составиться безконечная цѣпь живой, казуистической юриспруденціи, достаточной на каждое новое дѣло. Законодательная власть не

хотѣла препятствовать свободному развитію практическихъ началъ, — будучи довольна тѣмъ, что они не противорѣчатъ Судебнику и существующимъ указамъ.

Такимъ образомъ обширная частная дѣятельность Москвы обходилась почти безъ законодательства. Наконецъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича сіи обычаи Присудственныхъ Мѣстъ сдѣлались столь многочисленны, и юриспруденція подъячихъ столь многосложна, запутана, что не было другаго средства помочь нуждамъ Государства, какъ оправдить сію текущую юриспруденцію въ положительный законъ,—что̀ и исполнено Уложеніемъ. Итакъ, какая естественность, какая правильность въ способѣ развитія нашего древняго законодательства! Уложеніе поглотило въ себѣ всѣ Боярскіе приговоры, въ коихъ заключались вышеозначенныя статьи. Самая большая часть Уложенія составлена изъ судебныхъ обычаевъ и изъ Боярскихъ приговоровъ, и почти ничего не прибавлено новаго. Вотъ чѣмъ только можно объяснить невѣроятную скорость въ составленіи сего кодекса! Этотъ источникъ очень легко отличить въ Уложеніи по его особенной физіогноміи. Если замѣтите статью гражданскаго права, которая сохранила жизненную теплоту процесса, и статью уголовнаго права, на которой не остыли еще гнѣвъ закона и кровь преступленія: то это знакъ, что онѣ образовались изъ Боярскихъ приговоровъ. Правда, онѣ походятъ не столько на законодательство, котораго цѣль есть обобщеніе правилъ, сколько на афоризмы юриспруденціи, идущей отъ общаго закона къ особымъ случаямъ жизни: но это-то и прокладываетъ путь къ совершеннѣйшему развитію самого законодательства, это-то и предохраняетъ его отъ затвердѣлости догмъ, безплодныхъ и безжизненныхъ.

Итакъ Уложеніе, въ историческомъ процессѣ Русскаго Законодательства, должно разсматривать, какъ вторую степень отверженія народнаго сознанія о правѣ, вторую степень отверженія народной совѣсти. Прекрасный подвигъ законодателя! — но хотѣлось бы знать, этою законною положительностію не нанесенъ ли вредъ дальнѣйшему развитію права изъ народнаго сознанія и изъ юриспруденціи подъячихъ; не задержана ли на ходу свободная юридическая мысль, проведенная изъ преданій, восходящихъ въ тёмныя доисторическія времена Русскаго гражданскаго быта? Всё ли народное сознаніе о правѣ вошло въ составъ Уложенія, или оставлены запасы права, такъ сказать, резервы законодательства въ народной совѣсти, въ народныхъ убѣжденіяхъ? *Отвѣчаемъ на первый вопросъ.*

Уложеніе, приявъ въ себя множество понятій о правѣ, отдѣльно отъ судопроизводства, само въ себѣ открыло богатѣйшій источникъ для юриспруденціи. Однакожъ не смотря на свою временную полноту, ясность и точность, оно не могло остановиться въ своемъ развитіи; нужны были объясненія, ограниченія и перемѣны: почему и находимъ, что къ Уложенію въ скоромъ времени сдѣлалось большое приращеніе законовъ. Всѣ Новоуказныя статьи должно разсматривать какъ органическое порожденіе Уложенія. Это потомство, это семья Уложенія, и должно сознаться, семья благоустроенная, безъ исключенія объятая единою патріархальною властію Уложенія. Въ Исторіи Законодательства мы встрѣчаемъ Новоуказныя статьи, и не видимъ Боярскихъ приговоровъ съ положительностію обычая; однакожъ это отнюдь не ведетъ къ заключенію, что авторитетная юриспруденція подъячихъ съ Уложеніемъ прекратилась. Есть мѣста въ Новоуказныхъ статьяхъ, изъ коихъ очень легко усмотрѣть, что между Уложеніемъ и сими статьями былъ посредникъ, именно Боярскіе приговоры, — что толкованіе на статьи Уложенія отверждалось въ положительный законъ только тогда, когда на данные случаи не было Боярскихъ приговоровъ. Дьякъ докладываетъ Боярамъ дѣло, и говоритъ, что это дѣло новое, не подходящее ни подъ одну статью Уложенія, и что рѣшить его не по-чемъ, ибо „*больше того* (въ книгахъ дворовыхъ дачь) *примѣровъ не сыскано, а подъячіе сказали, что у нихъ вершеныхъ дѣлъ нѣтъ.*“ По этому докладу Бояре останавливаются рѣшеніемъ, дѣлаютъ представленіе Государю, съ прописаніемъ того, „что подъячіе сказали“, и съ прописаніемъ собственнаго мнѣнія въ видѣ вопросовъ. Въ слѣдствіе сего представленія Государь указалъ, и Бояре приговорили; — и вотъ Новоуказная статья. Итакъ Новоуказная статья въ системѣ законовъ появлялась только тогда, когда на данный судебный вопросъ не было примѣрныхъ рѣшеній: слѣд. Уложеніе не только не останавливало развитія судебной юриспруденціи, но сообщало ей новое движеніе, новую обширнѣйшую дѣятельность.

Періодъ Уложенія былъ золотымъ вѣкомъ подъяческой юриспруденціи, — какъ и быть надлежало. Вопервыхъ самое Уложеніе есть плодъ народной юриспруденціи. Оно сохранило сочувствіе съ народными убѣжденіями всѣхъ областей и всѣхъ классовъ Московскаго Государства; а развитіе его въ дальнѣйшее законодательство было строжайше послѣдовательно. Каждый новый законъ, по возбужденію ли Присудственныхъ Мѣстъ, или по собственному благоусмотрѣнію Государя изданный, всегда основы-

вался на одномъ началѣ, на духѣ всего предшествующаго законодательства. Онъ являлся въ міръ какъ ожиданный гость; его срѣтала гостепріимная семья родственныхъ ему законовъ; онъ былъ у себя дома, въ кругу своей семьи. Это былъ естественный, легкій, свободный синтезъ юриспруденціи. Законодательство сего періода совершало свое развитіе безъ всякой ломки, безъ всякаго потрясенія, подвигаясь впередъ всегда мѣрно, всегда послѣдовательно. Если же въ самомъ Уложеніи встрѣчалось какое противорѣчіе, несообразность, то всѣ послѣдующія Новоуказныя статьи наперерывъ спремятся подружить законъ съ общими началами, и обыкновенно прудъ увѣнчивался рѣшительною побѣдою одного начала надъ другимъ, и всегда однакожъ того, которое по общему направленію исторіи должно было взять ходъ. Таковы были юридическіе источники до XVIII вѣка! Преобразованіе много измѣнило судьбу нашего Законодательства и судебной юриспруденціи. Извѣстно, подъячіе всегда смотрятъ непріязненнымъ окомъ на тѣ преобразованія, кои вносятъ чуждыя положенія права, и еще взятыя отдѣльно отъ чуждыхъ началъ; а потому весьма неудивительно, что юриспруденція ихъ спражденъ многими болѣзнями. Всякое новое положеніе права, не выведенное изъ прошедшаго, разрушаетъ органическую связь во всей системѣ законодательства, и если не противорѣчитъ ему явно: то непремѣнно спражденъ логическимъ неплодіемъ. Оно оспается пріемышемъ въ чуждомъ семействѣ законодательства, безъ предковъ и безъ потомства. Оно разрываетъ органическую связь понятій въ духѣ подъячаго, стоившую многолѣтняго труда и опытности. Какихъ хитростей не предпріемлетъ онъ, чтобъ освоить чуждое рожденіе, какихъ усилій не употребляетъ, чтобы оплодотворить его началами законодательства: и если всѣ эти усилія останутся безуспѣшны: то или законъ долженъ идти вонъ, или подъячій изкажаетъ его посвоему, или отказывается отъ своей юриспруденціи, и тогда уже играетъ имъ по собственному произволу. Я могъ бы представить примѣры подобныхъ нововведеній, гдѣ новый законъ былъ понятъ подъячими не прежде 50 лѣтъ отъ его изданія.

Чтобъ отвѣчать на *вторый вопросъ*, а именно, всѣ ли народное убѣжденіе вошло въ составъ Уложенія, и не осталось ли внѣ его юридическихъ истинъ, положеній, обычаевъ изъ гражданской жизни народа, я желалъ бы обратить Ваше вниманіе, ММ. ГГ., на правыя грамоты, крѣпостные акты и сдѣлки въ періодъ Судебника и Уложенія. Они могутъ свидѣтельствовать, какое обиліе права не вошло въ составъ Уложенія.

Истина всѣмъ извѣстная, что никогда не существовалъ такой кодексъ, такой уставъ, уложеніе, которые бы вполнѣ изчерпали богатый источникъ обычнаго права, этотъ неизсякаемый запасъ народныхъ убѣжденій, народной совѣсти. Исторія съ незапамятныхъ временъ заготовляетъ ихъ для лучшихъ временъ юриспруденціи, блюдетъ до возмужалости сознанія, когда умъ, освободившись отъ узъ мѣстности, получитъ силу возносить ихъ въ область выспренняго созерцанія. А Русскій народъ, многочисленный, сильный обычаями, геніальный силою разсудка, могъ ли быть подведенъ подъ одну неизмѣнную систему гражданскихъ отношеній, мыслей и намѣреній?—На поверхность Русской юридической жизни всплываютъ непрерывно новыя, разнообразныя фигуры отношеній, правъ и обязанностей. Какое же законодательство можетъ обнять этотъ летучій міръ мыслей, намѣреній, безчисленныхъ расчетовъ хозяйства, эгоизма, обмана и подлога?— Законодательство не только Судебника и Уложенія, но даже самаго Свода Законовъ отказывается отвердить ихъ въ постоянныя формы отношеній. Нашъ творческій, безконечно изобрѣтательный смыслъ непрерывно выступаетъ изъ круга положительности, непрерывно стремится впередъ, совершая новые обороты, проявляя новыя стороны человѣческаго духа. Непостижимая тонкость смысла! — И добродѣтель и недостатокъ Русскаго народа! Да, это добродѣтель, потому что тонкость смысла выказываетъ энергію нашего разсудка, особаго рода умственную силу, умственное совершенство, которое замѣняетъ иногда отсутствіе науки. Но здѣсь и недостатокъ народа: ибо эта умственная добродѣтель почти всегда обличаетъ недостатокъ развитія высшихъ душевныхъ силъ, ума, воображенія и эстетическаго чувства. Тонкость разсудка можетъ развиться и въ дряхлѣющемъ и въ младенческомъ обществѣ отъ умственнаго и нравственнаго застоя. Напротивъ глухота разсудка, при остротѣ ума и воображенія, бываетъ иногда плодомъ высокой цивилизаціи, добродѣтелью свободно-рожденнаго народа. Но если природа и исторія создали насъ юристами, а не философами и не поэтами, и мы привычнѣе къ землѣ, чѣмъ къ облакамъ; то будемъ же довольны нашей судьбой, будемъ юристами въ совершенствѣ, будемъ Римляне въ юриспруденціи. Я къ тому говорю, что Уложеніе не могло выразить вполнѣ замысловатаго народа, не могло изчерпать неизчерпаемаго источника. Въ особенности это замѣчается въ правѣ обязательствъ. Читайте письменные договоры крестьянъ о приданомъ, ученическія записи, условія бурлаковъ съ судохозяевами, дворниковъ съ домохозяевами, поповъ, пономарей, церковныхъ сторожей съ прихожанами, довѣренности на хожденіе по дѣламъ: и вы удивитесь обилію юридическихъ понятій о правахъ

и обязанностяхъ договаривающихся сторонъ. Какъ всё подробно понято, какъ точно изложено, какъ формально и нерушимо совершено! Уложеніе вполнѣ опредѣляетъ формальную сторону обязательствъ: ибо эта сторона техническая, условная, исчерпаемая; но содержаніе обязательствъ оставлено имъ на всей волѣ договаривающихся. Оно не вошло въ статьи Уложенія.

Наши предки не довольствовались одними домашними источниками для составленія Уложенія; они пользовались и *Литовскимъ Статутомъ*. Уложеніе не приняло въ себя полуварварскихъ положеній Статута о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и въ этомъ отношеніи оно гораздо ближе къ Римскому уголовному праву; но всё, что̀ имъ заимствовано изъ сего источника, совершенно въ духѣ Русскаго Законодательства, не исключая пріемовъ Римскаго анализа, который не рѣдко встрѣчается въ Статутѣ.

Вотъ источники нашего безсмертнаго Уложенія! Они совершенно народны, и Уложеніе не только не закрываетъ ихъ, напротивъ обогащаетъ обильнѣйшею юриспруденціею судебныхъ мѣстъ, собираетъ ихъ въ стройную систему. Вѣчная благодарность Законодателю, что онъ ознакомилъ насъ съ нашими предками что̀ онъ показалъ намъ внутренній образъ ихъ. Какое родственное сходство между нами и ими! Хотите знать, какъ мыслили и говорили наши предки? — читайте Уложеніе. Языкъ его умеръ не только для образованныхъ сословій и для школъ, но и для самыхъ Присудственныхъ Мѣстъ; но онъ живъ для простаго народа. Народъ мыслитъ логикой Уложенія, и говоритъ его языкомъ. Конечно въ немъ нѣтъ отвлеченностей, свойственныхъ ученой редакціи; за-то какая мужественная простота, какая ясность, вразумительность для каждаго! Его нельзя сравнивать съ классическимъ языкомъ Римскаго Законодательства, который гибокъ и нѣженъ до чрезвычайности, способенъ отпечатлѣвать каждый оттѣнокъ мысли; языкъ Уложенія тяжелъ на поворотахъ періодныхъ, грубъ и угловатъ въ своихъ формахъ. Языкъ крѣпко національный!

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАЧАЛА УЛОЖЕНІЯ.

Основные Законы.

Если самые источники Уложенія были совершенно народны; то нѣтъ сомнѣнія, что и начала Законодательства были также народны. Они даны

исторіею и обычаями Земли. Основные законы Государства въ началѣ сего періода не имѣли формы писаннаго закона. Государь былъ самодержавенъ по обычаю предковъ. Между тѣмъ со временъ Іоанна Грознаго до Петра Великаго продолжали созывать земскіе соборы для совѣщанія о важнѣйшихъ Государственныхъ дѣлахъ, о мирѣ и войнѣ, о торговлѣ, о преобразованіи какой-либо важной части законодательства и управленія, о положеніи налоговъ на извѣстные Государственные расходы. Соборы обыкновенно состояли изъ духовенства, чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ и изъ городскихъ сословій: гостей, купцовъ и чернослободцевъ, или мѣщанъ. Сословіе крестьянъ не имѣло здѣсь представителей, потому что на мѣсто ихъ сидѣли власти, монастырскіе настоятели, благородные опричники и помѣщики. Но Іоаннъ Грозный, созывая земскіе соборы, отнюдь не думалъ ограничивать свою власть, а единственно желалъ подкрѣпить себя совѣтами своихъ подданныхъ. Это была новая форма древняго Государева совѣта — безъ власти и силы, когда Престолъ былъ не праздепъ; напротивъ, въ безгосударное время земскій соборъ повелѣвалъ какъ правитель Государства, и даже во время междуцарствія, не смотря на всеобщее волненіе страстей, дѣйствовалъ въ формѣ закона. Къ таковымъ актамъ земскаго собора принадлежитъ знаменитый актъ избранія Дома Романовыхъ на Россійскій Пресполъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, не было видимой надобности въ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ земскаго собора; но обычай вошелъ въ свою силу, и Государи охотно соблюдали его. Такъ созванъ былъ Соборъ для слушанія Уложенія и для истребленія мѣстничества. По смерти же Ѳедора Алексѣевича въ Москвѣ образовалось темное понятіе о томъ, что смерть Государя не прямо переноситъ верховную власть на наслѣдника (transmissio juris), а чрезъ земскій соборъ. Соборъ распоряжался наслѣдіемъ престола во время малолѣтства Государей Іоанна и Петра и допустилъ даже неслыханное на Руси событіе — совмѣстное царствованіе двухъ и трехъ Государей. Здѣсь обычный характеръ земскаго собора подвергся злоупотребленію: вмѣсто собора дѣйствовали партіи. Стрѣльцы начали присвоивать себѣ власть возводить и низводить Царей; — и дорого заплатили за сію дерзость, оскорбляющую величіе Государства. Въ то время, какъ Верховная власть, вышедшая изъ нѣдръ Русскаго народа, силилась утвердить за собою Царское Величество внутри и извнѣ, на Патріаршемъ престолѣ является человѣкъ съ характеромъ Римскихъ Папъ, и стремится положить Гражданскую власть къ подножію Патріаршаго пре-

стола. Никонъ дерзаетъ не только ослушаться Царя, но даже самовольно произносить проклятія, и именовать себя *Великимъ Государемъ*. Древній обычай совершенно былъ ниспровергнутъ. Государь по совѣту Бояръ рѣшился обуздать дерзновеннаго; но, утверждая за собою права Величества, въ то же время является челобитчикомъ предъ трибуналомъ Вселенскихъ Патріарховъ, проситъ учинить ему надъ Патріархомъ Никономъ судъ! Четыре Вселенскіе Патріарха превознесли Царскую власть выше власти Патріарха и именемъ Римскаго закона провозгласили самодержавіе Русскаго Царя." „*Царю угодное законъ и уставъ есть*," т. е. *voluntas principis vicem legis obtinet*", или: *princeps legibus solutus.*" Обычай выдержалъ процессъ! Петръ Великій болѣе всѣхъ вѣнценосцевъ Россіи чувствовалъ законность самодержавія, и потому три раза утвердилъ его въ продолженіе своего царствованія.

Итакъ періоду Уложенія принадлежитъ честь освященія древняго обычая въ судебный приговоръ, утверждающій самодержавіе Царей и безпредѣльное повиновеніе народа. Не въ такомъ видѣ представляется намъ обычай престолонаслѣдія. Онъ колебался въ своихъ основаніяхъ съ самаго начала Русскаго Государства до временъ Императора Павла I^го^. Кто долженъ наслѣдовать царствующему Государю? — Обычай древній гласитъ: ближній родственникъ, мужескаго поколѣнія, притомъ мущина, а не женщина; — а извѣстно, что родство въ древнія времена уважалось болѣе по близости къ общему родоначальнику, чѣмъ къ послѣднему отличу: по чему братья умершаго Государя имѣли преимущество предъ его сыновьями, доколѣ въ Московской династіи не образовался обычай представленія, по коему ближайшій по нисходящей линіи исключалъ всѣхъ боковыхъ родственниковъ. Іоаннъ III, какъ бы подражая древнимъ Римскимъ Императорамъ, при жизни своей пріобщилъ къ верховной власти и титулу наслѣдника престола, своего сына. Обычай, спасительный для Государства, когда не было яснаго постановленія о порядкѣ наслѣдованія! Царь Алексѣй Михайловичъ, подражая предку, исполнилъ сей обычай, какъ можно заключить изъ грамоты 1655 года Сентября 19 дня. Такимъ образомъ наши Государи, объявляя при жизни своей наслѣдниковъ престола, и вводя ихъ какъбы въ соучастіе Верховной Власти, ставили ихъ въ такое отношеніе къ своей особѣ, въ какомъ нѣкогда были Римскіе Цезари къ Августѣйшимъ Императорамъ. Можетъ быть, это-то вліяніе классическаго закона, при безнадежности царственнаго характера Царевича Алексѣя Петровича, внушило Петру Великому мысль, что царствующій Императоръ властенъ мимо природнаго

наслѣдника назначить другаго *достойнѣйшаго*, хотя бы это лице вовсе не принадлежало къ царствующей фамиліи. Эта мысль выражена Петромъ при Прутѣ, потомъ въ уставѣ о наслѣдіи престола 1722 года Февраля 22 дня, и наконецъ въ знаменитомъ постановленіи: „*Правда воли Монаршей.*“ Изъ сихъ узаконеній можно замѣтить, что въ духѣ Петра Великаго обычай избранія боролся еще съ началомъ природнаго наслѣдованія. Право сего избранія одинъ разъ отнесено имъ къ обязанности Сената, и потомъ, въ другой разъ къ священнымъ правамъ Государя, къ собственной особѣ. Эта неопредѣленность продолжалась до временъ Императора Павла I. Обычай избранія уничтоженъ до основанія въ учрежденіи объ Императорской фамиліи 1797 года Апрѣля 5 дня. Совершеннолѣтіе Государя и Правительственная опека во время его малолѣтства основывались болѣе на обычаѣ, чѣмъ на законѣ.

Государственныя учрежденія.

Система Государственнаго управленія въ глубокой древности начинается системою управленія Двора Государева. Государь въ исторіи является сперва Господиномъ, или отчичемъ земли, принадлежащей ему на правѣ собственности. Онъ окруженъ семейнымъ совѣтомъ земскихъ Бояръ и рабскою особою тіуна, ключника, или казначея, конюшаго и другихъ приказныхъ людей Двора, въ которыхъ заключалось тогдашнее правительство. Образъ начальнаго Государства и правительства можно и теперь еще созерцать въ особѣ, дворѣ и отчинѣ богатаго Московскаго помѣщика. Такъ изъ малаго дѣлается великое! На западѣ Европы изъ Княжескихъ конюшихъ и кузнецовъ образовались маршалы Королевствъ; изъ рабской особы (serviens, ministerialis) тіуна Министры Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи, изъ Княжескаго ключника и казначея Министръ Финансовъ, изъ Княжескаго *постельнаго дьячишка* (въ грамотахъ Русскихъ Государей упоминается: „дьячишко мое постельное“) оберегатель великой Государственной печати, Великій Канцлеръ и Министръ Иностранныхъ дѣлъ. Настоящее названіе „Министры“ до сихъ поръ напоминаетъ древнее служебное состояніе приказныхъ людей, Королевскихъ и Княжескихъ (servientes, ministri, ministeriales curiae). Тотъ же законъ образованія правительственныхъ властей обнаруживается въ исторіи Русскаго Законодательства. Потомъ Іоаннъ Грозный раздѣлилъ свою отчину на опричнину и земщину, и тѣмъ особу Государя противупоставилъ Государству. Изъ сего раздѣленія вышло управленіе Государева Двора и управленіе Го-

сударства. Но воевода ополченія долго еще не отличался отъ Царскаго конюшаго, и Государевы стольники еще командовали полками, казна Государственная была казною Государевою, доколѣ Петръ Великій не положилъ конечнаго раздѣленія службы придворной отъ военной и т. д. — Государственное управленіе настоящаго времени, сообразно достоинству Имперіи, раздѣлено на три инстанціи: учрежденія Государственныя, учрежденія Губернскія, учрежденія городовыя и уѣздныя. Но Россія не вдругъ достигла сего мудраго раздѣленія. Образованіе инстанцій шло параллельно съ образованіемъ Государства. Какъ въ Священной Римской Имперіи при медіатизаціи феодальныхъ властей Императоръ съ Имперской Камерой и Сеймомъ занялъ первую инстанцію, Земскіе Государи (Hohe Adel) вторую, а Графы, Бароны и рыцарство третью; такъ и въ Россіи совершилась подобная медіатизація для удѣльныхъ Князей, съ тою разницею, что Германіи дана извнѣ классическая идея Императора, какъ законодателя, вселенскаго судіи, раздаятеля титуловъ и защитника церкви (advocatus sacrosanctae ecclesiae), а Россія въ удѣльномъ состояніи не имѣла классической идеи Царскаго Величества. Великій Князь былъ старѣйшина рода, и, какъ старшій братъ, безъ всякихъ законодательныхъ и правительственныхъ правъ на удѣлы. Даже исключительное право защитника Россійской церкви начало быть въ немъ сознаваемо не ранѣе половины XV вѣка. Но чего не дано Россіи Римскимъ правомъ, то отчасти вознаграждено насиліемъ Татаръ. Московскіе Государи изъ вассаловъ Орды явились наслѣдниками Ордынскихъ Царей, съ ихъ титуломъ и могуществомъ. Съ сихъ поръ, и именно съ Іоанна III, Московское самодержавіе начало возвышаться надъ удѣльными властями, кои принуждены были медіатизироваться въ Москвѣ, что̀ продолжалось до временъ между-царствія. Съ сихъ поръ Москва постепенно пріобрѣтала значеніе столицы; Московскія областныя учрежденія, Боярская дума и приказы: Посольскій, Розрядный, Помѣстный, Приказъ большаго прихода, Судный, Разбойный начали постепенно пріобрѣтать значеніе высшихъ инстанцій, Государственныхъ учрежденій, Московское Дворянство значеніе Царской Лейбъ-гвардіи („Московскіе дворяне“). Въ историческомъ отношеніи, сіи власти были древними областными учрежденіями Московскаго Княжества; но съ Іоанна III до Петра I, оставаясь по прежнему областными, въ тоже время получили характеръ учрежденій Государственныхъ. Напро̀тивъ высшія власти Великихъ Княжествъ Тверскаго и Рязанскаго, впослѣдствіи же и Малороссійскаго Гетманства, преемолы Царствъ — Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, народныя самодержавства Новагорода и Пскова заняли вторую инстанцію, и сдѣлались областными учрежденіями, а ихъ дворян-

ство составило армейскіе полки Царства Московскаго („городовые дворяне"). Наконецъ малыя удѣльныя Княжества, мелкія самодержавства съ ихъ законодательной и судебной властію, сперва ограничены въ лицѣ своихъ владѣльцевъ — Князей, а потомъ постепенно конфискованы опалами, покупкой, способомъ даренія и т. п., и подъ конецъ XVI вѣка вошли въ систему общаго управленія, съ значеніемъ уѣздныхъ и городовыхъ учрежденій, какъ на пр. Дмитровъ, Серпуховъ, Угличь, Можайскъ, Звѣнигородъ, и др. и послѣ всѣхъ Татарская держава Касимовъ. Вотъ какимъ образомъ установилось нынѣшнее систематическое управленіе Россійской Имперіи! Періодъ Уложенія лежитъ еще въ процессѣ всеобщаго подчиненія Московскимъ вѣнценосцамъ. Московскіе Приказы, при всемъ ихъ первенствѣ въ составѣ Государственныхъ учрежденій, носятъ еще характеръ областныхъ учрежденій, — напримѣръ Московскій *Розрядный Приказъ*. Съ перваго разу онъ кажется учрежденіемъ Государственнымъ, ибо здѣсь хранились списки всѣхъ служилыхъ людей Царства, доставляемые изъ областныхъ военныхъ розрядовъ — Новогородскаго, Казанскаго, Смоленскаго и другихъ; но первоначально это дѣлалось не въ слѣдствіе подчиненія, а только для вѣдома. Въ концѣ XVII вѣка Розрядный приказъ по праву уже начинаетъ утверждать приговоры областныхъ розрядовъ о выборѣ городовыхъ служилыхъ людей въ должности, и наконецъ предписываетъ указами, наряжаетъ на службу и распредѣляетъ по должностямъ, однимъ словомъ, дѣйствуетъ какъ Сенатъ, какъ Военное Министерство и Главный Штабъ всего Царства Русскаго. Вторый, замѣчательный послѣ Розряднаго, *Приказъ Помѣстный*, будучи Государственнымъ учрежденіемъ, большею половиною своего вѣдомства принадлежитъ къ областнымъ учрежденіямъ Московскаго Княжества, въ коемъ онъ и былъ основанъ. Съ одной стороны, отъ областныхъ Розрядовъ онъ получаетъ вѣдомости о розданныхъ и выморочныхъ помѣстьяхъ, принимаетъ отъ Государя указы о раздачѣ помѣстій во всемъ Царствѣ Московскомъ, хранитъ Писцовыя книги, держитъ реэстръ всѣхъ владѣльцевъ помѣстныхъ и отчинныхъ Царства Московскаго, словомъ, исправляетъ должность Сената; но въ тоже время занимаетъ мѣсто Гражданской Палаты съ крѣпостною Экспедиціею Московской области. *Приказъ большаго прихода*, или *Большой приходъ* изъ Московскаго удѣльнаго дворца образовался совершенно въ Государственное учрежденіе по части финансовъ. *Приказъ Посольскій* играетъ сугубую роль. Онъ есть и министерство иностранныхъ дѣлъ, и вмѣстѣ учрежденіе, похожее на иностраннаго претора въ древнемъ Римѣ. — Онъ управляетъ завоеванными областями и судитъ иностранцевъ, къ коимъ относились не только иностранцы служилые и промышленные, но и вновь пріобрѣтенные поддан-

ные и вассалы Царя Московскаго. Слѣд. какъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Посольскій приказъ есть учрежденіе Государственное, а какъ судъ надъ иностранцами и подданными пріобрѣтенныхъ областей, онъ есть областная инстанція на особыхъ правахъ. Малороссія до учрежденія особаго Малороссійскаго Приказа принадлежала къ его вѣдомству, также Грузинскіе Князья съ ихъ дворянами и рабами. *Московскій Судный Приказъ* изъ областнаго учрежденія Москвы въ семъ періодѣ постепенно становится Государственнымъ учрежденіемъ. *Приказъ Разбойный*, переименованный въ *Сыскный приказъ*, есть учрежденіе Государственное по управленію уголовной юстиціи. Прочіе Московскіе Приказы: *Холопій судъ*, *Земскій приказъ*, гражданская часть *Стрѣлецкаго Приказа*, остались навсегда областными учрежденіями Москвы. Правильнѣе всѣхъ было *Духовное управленіе*. Митрополитъ Кіевскій, и потомъ Московскій со введенія Христіанской Вѣры вмѣстѣ съ Соборомъ Духовенства издревле составлялъ инстанцію Государственнаго учрежденія относительно Россіи; но относительно Вселенской Церкви Россійскій Митрополитъ и потомъ Патріархъ съ Соборомъ Духовенства составлялп только помѣстную, или областную инстанцію. Вселенскіе Патріархи вмѣстѣ составляли Вселенскій трибуналъ, которому подчинялся весь православный Греко-Россійскій міръ. До временъ Петра Великаго, хотя безъ систематическаго порядка, Вселенскіе Патріархи были судіями для Русской церкви, какъ то видно изъ суда надъ Никономъ, и даже во время Петра Великаго — изъ разрѣшенія войскамъ во время походовъ не наблюдать постовъ, и изъ того, что проэктъ учрежденія Синода *благословленъ* (конфирмованъ?) ими же Вселенскими Патріархами.

Россійская Іерархія, будучи классическаго произхожденія, издревле имѣла инстанціи, которыя можно подвести къ тремъ. Она одна выходила изъ системы отчиннаго, или удѣльнаго управленія: Церковь не была раздѣлена на удѣлы. Митрополитъ и потомъ Патріархъ былъ единодержецъ духовной власти во всей Россіи. Вторую инстанцію, епархіальную, составляли *Архіепископы* и *Епископы*, а при Патріархѣ и *Митрополиты*; третью инстанцію *поповскіе старосты* и закащики, избираемые изъ Архимандритовъ, Игуменовъ и Протопоповъ. — Но въ вѣдомствѣ нашей Іерархіи заключалась и область гражданскаго управленія надъ подданными духовенства. Образцомъ ея была удѣльная система управленія. Духовная власть по гражданской части простиралась на все „опричь убійства, татьбы и разбоя," принадлежащихъ исключительно Княжескому суду.

Областныя учрежденія.

Областное управленіе въ періодѣ Уложенія было весьма просто. Въ лицѣ воеводы соединялись всѣ власти: областное и казенное управленіе, начальство надъ войсками полевыми и осадными (гарнизонами), судебная и исполнительная власть, однимъ словомъ, всѣ нынѣшнія губернскія власти и сверхъ сего военное начальство. Воевода „*съ товарищи*“ составлялъ коллегію подъ названіемъ *Приказной, Съѣзжей избы*, или *Палаты*. Въ Уложеніи отъ Приказной палаты отдѣлена особо уголовная судебная власть: она поручена *Губнымъ старостамъ* изъ дворянъ по выбору всѣми земскими сословіями и изъ *цѣловальниковъ* отъ всѣхъ земскихъ сословій. Тогдашнія губерніи носили Ганзейское названіе *Четей* (Quartier); но области, образовавшіяся изъ великихъ Княжествъ, Царствъ и народныхъ державъ, назывались *розрядами*. Надъ ними начальствовали Бояре-воеводы съ властію нынѣшнихъ военныхъ Генералъ-Губернаторовъ и Намѣстниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ съ властію утверждать даже смертные приговоры, какъ н. п. воеводы Казанскій и Астраханскій, соотвѣтствующіе нынѣшнему главнокомандующему Грузіи и т. п. — Хотя такимъ образомъ областное управленіе подходитъ къ розряду второй инстанціи; однакожъ Государи сосредоточивали при себѣ въ видѣ особыхъ департаментовъ Государственнаго управленія нѣкоторые *розряды*, или приказы, какъ н. п. розрядъ Новгородскій, Сибирскій, Приказъ Владимирскій судный, а въ послѣдствіи Приказъ Малороссійскій. *Первую, низшую инстанцію* учрежденій составляли Городовые прикащики и Городничіе, соотвѣтствующіе нынѣшнимъ комендантамъ, и воеводы по всѣмъ частямъ городоваго и уѣзднаго управленій. Сюда же должно отнести *Таможенные*, или торговые суды изъ гостей „съ товарищи“, для сбора казенныхъ таможенныхъ и откупныхъ сборовъ и для торговаго суда, — также *площадныхъ подъячихъ* въ городахъ, слободахъ и другихъ торговыхъ мѣстечкахъ для маклерскихъ дѣлъ, и наконецъ піуновъ, чиновниковъ церковно-земскаго управленія. Послѣднія лица въ системѣ управленія были: старосты, сельскіе прикащики, посельскіе старцы въ монастырскихъ отчинахъ, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе. Всѣ сіи малыя власти суть древнѣйшаго происхожденія; на нихъ держалась первобытная гражданственность Руси, управленіе и правосудіе.

Все это раздѣленіе по инстанціямъ первоначально основывается болѣе на географическомъ, нежели политическомъ отношеніи властей. Часто власть заключалась въ составѣ другой власти безъ всякой отъ нея зависи-

мости. Не было систематическаго подчиненія нижнихъ инстанцій среднимъ, а среднихъ высшимъ — имено отъ того, что удѣльное состояніе Россіи еще не во всѣхъ пунктахъ было уничтожено. Система медіатизаціи, или подчиненія, прежде всего понята по судебному управленію, гдѣ мы встрѣчаемъ суды первой инстанціи и ревизіонные, н. п. на рѣшеніе Губной избы можно было подать жалобу въ Разбойный приказъ, на Разбойный приказъ Государевымъ Боярамъ, въ Боярскую Думу. Вѣдомство Гражданскаго Суда опредѣлялось также суммою иска, или тяжбы; но правила апелляцій были довольно неопредѣленны. Во всѣхъ дѣлахъ верховнымъ ревизіоннымъ мѣстомъ была Боярская Дума, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ Государь, а до Уложенія и Наслѣдникъ престола. Главное неудобство тогдашняго управленія состояло въ томъ, что оно организовано по разнороднымъ началамъ, какъ и должно ожидать по самому его происхожденію. Всѣ учрежденія сего періода были удѣльнаго происхожденія; а въ каждомъ удѣлѣ (за исключеніемъ судебной власти по дѣламъ убійства, татьбы и разбоя, принадлежавшимъ вездѣ исключительно къ вѣдомству Княжескаго суда) могло быть особое основаніе раздѣленія, и всѣ эти разнородныя начала вошли въ Московскую систему управленія. Отъ того трудно сказать, валовый или спеціальный характеръ имѣли власти сего періода? — Если всѣ учрежденія были историческаго происхожденія, то это уже показываетъ, что валовый характеръ былъ преобладающимъ: ибо въ простотѣ древняго управленія было бы неумѣстно каждый предметъ управленія поручать особому чиновнику, особому приказу, и мы знаемъ, что Княжескій тіунъ и казначей совмѣщали въ себѣ всѣ власти. Конечно эта простота управленія не могла существовать въ періодѣ Уложенія; однакожъ нельзя не замѣтить смѣшенія разнородныхъ властей въ одномъ и томъ же лицѣ, или учрежденіи. Въ особенности замѣтна наклонность классификовать вѣдомства управленія по сословіямъ, н. п. Стрѣлецкій приказъ былъ и военнымъ начальствомъ и экспедиціей казенныхъ сборовъ и гражданскимъ судомъ и полицейскимъ мѣстомъ управленія для Московскихъ Стрѣльцовъ. Сюда же можно отнести Холопій приказъ, Патріаршій и монастырскій приказы, Посольскій приказъ и даже позднѣйшаго происхожденія приказъ Преображенскій. Между тѣмъ съ постепеннымъ паденіемъ удѣльнаго начала, съ появленіемъ высшихъ инстанцій въ Москвѣ обнаруживается уже иное начало раздѣленія властей, начало спеціальное — по роду дѣлъ. Само собою разумѣется, что и здѣсь не могло быть настоящей правильности въ понятіяхъ. Здѣсь открывается другая крайность — рѣзкая спеціальность: такъ н. п. дѣла татиныя, разбойныя и убійственныя подлежали особому вѣдомству, Губ-

ной избѣ, Разбойному приказу, такъ что дѣла объ отравленіи ядомъ, дѣланіе фальшивой монеты, дѣла по преступленію должностей и т. п. никакъ не могли сюда принадлежать. Тоже замѣчается и по управленію гражданскаго правосудія: и. п. въ Судномъ Приказѣ были вѣдомы дѣла исковыя, а въ Помѣстномъ опричныя; тамъ судили по розыску, а здѣсь по крѣпостямъ. Что-жъ касается до областнаго управленія, то оно до XVIII вѣка сохранило свой древній валовый типъ: воевода сосредоточивалъ въ себѣ всѣ власти областнаго управленія.

Объясняя систему Государственнаго и Земскаго управленія, мы не должны умолчать *объ управленіи народнаго просвѣщенія*, тѣмъ болѣе, что оно выражаетъ весь характеръ древней цивилизаціи, и подтверждаетъ истину всемірной исторіи, что основаніе просвѣщенія заключается въ религіи. Со временъ Св. Владиміра народное просвѣщеніе безъ всякаго различенія наукъ состояло подъ покровительствомъ Вѣры, и было подвѣдомственно духовнымъ властямъ. Во времена Іоанна Грознаго взглядъ на отношеніе наукъ къ вѣроученію нисколько не измѣнился: наука считалась спутницею Христіанской вѣры, и въ самый періодъ Уложенія не смѣла показаться въ народѣ своимъ лицомъ, отдѣльно отъ религіи. — Наука по тогдашнему понятію, если прямо не служила Богу, считалась дьявольскимъ изобрѣтеніемъ — средины не было. *Философами* назывались Богословы, люди свѣдущіе въ истинахъ вѣры, въ Священномъ Писаніи. Стольже трудно было и изящнымъ искуствамъ имѣть самостоятельное, независимое отъ вѣры бытіе. Имъ предстояли двѣ цѣли: служить къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, или *потѣшать діавола эллинскими изображеніями*, статуями, музыкой, плясками (скоморошество) и т. п., — Между тѣмъ народная жизнь не останавливалась; образованность начала отдѣлять гражданскую мудрость отъ Духовной не видя надобности относить ее къ внушеніямъ діавола. По и въ самомъ періодѣ Уложенія какъ слабо, какъ ничтожно было самостоятельное бытіе земной мудрости! Первая черта гражданской философіи обнаружилась въ юродивыхъ, кои должны были однакожъ земную мудрость прикрывать одеждой глупости; потомъ земная мудрость дѣлается смѣлѣе и выражается въ лицѣ придворныхъ шутовъ, кои имѣли сугубый характеръ — народныхъ философовъ и придворныхъ драмматурговъ, замысловатыхъ сатириковъ и комиковъ на общіе пороки человѣчества и на особенные пороки правительственныхъ лицъ. Они составляли театральную дирекцію Дворскаго управленія даже до начала XVIII вѣка и далѣе. Мы знаемъ торжественные акты шутовства во времена Петра Великаго и Императрицы Анны Іоанновны. Они

казались дѣломъ Государственнымъ, въ коемъ принимали участіе всѣ чины безъ изъятія. Всѣ сіи дѣла творческаго ума, взятыя отдѣльно отъ вѣры, въ строгомъ смыслѣ, были дьявольскаго происхожденія; но какъ форма этой запрещенной хитрости была очень забавна и смѣшна, и почти близка къ презрительному состоянію, — и потому не казалась страшной для религіи: то отсюда получила начало невинная *Царская потѣха*, во всѣхъ ея художественныхъ формахъ. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Софьѣ Алексѣевнѣ *потѣха* является въ формѣ правильной драмматургіи, сопровождаемой мызыкою и пластическими искуствами, — и это не казалось уже дѣломъ грѣха. — Наконецъ духовная власть поступилась своими древними правами, и наука получила важный и даже священный видъ; а презираемое доселѣ шутовство возведено на степень свободнаго художества.

Итакъ въ періодѣ Уложенія главное управленіе народнаго просвѣщенія сосредоточивалось или въ вѣдомствѣ Двора Государева подъ формою Царской потѣхи, или въ Патріархѣ, а по немъ въ Монастырскомъ приказѣ подъ формою Философіи. Патріарху подвѣдомственны были всѣ училища и тогдашній Университетъ, Славяно-Греко-Латинская Академія, учрежденная въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, — главное управленіе цензуры и типографіи („Приказъ книгопечатнаго дѣла“). При такомъ понятіи о наукахъ, а именно, что онѣ суть необходимая принадлежность каждаго Христіанина, наши набожные предки могли ли бояться наукъ и народнаго просвѣщенія? — Въ царствованіе Петра Великаго Московская Академія имѣла 629 студентовъ, и отличившимся въ наукахъ по уставу давала Стряпческій чинъ при Дворѣ. Просвѣщеніе было общенародимъ: ибо всѣ равно были христіане; сыну Боярина не болѣе нужно было имѣть просвѣщенія, какъ и сыну гостя, подьячаго и пр. д. Послѣ этого, какъ трудно было Петру Великому преобразовать ввѣренный Ему Богомъ Русскій народъ!

Государственная служба.

Въ древней Россійской службѣ замѣчаются два начала: a) родовое, или домашнее и b) военное. По первому князь рода былъ отчинникомъ въ строгомъ смыслѣ. Государство заключалось въ семействѣ; правительство въ главѣ семейства; подданные въ лицѣ домашнихъ слугъ и *смердовъ*-земледѣльцевъ. Тутъ не было ничего политическаго; всё было частное, семейственное: слѣд. служба здѣсь была рабство, рабское служеніе; чиновники были рабы: тіунъ, или прикащикъ, конюхъ, ключникъ, кормилецъ, ремесленникъ и земскій человѣкъ-староста и пр. п. Это паш-

ріархальное устройство первобытнаго Русскаго общества очень ясно выражено въ Русской Правдѣ. Но когда роды одинъ къ другому вступили въ военное отношеніе: тогда возникло новое начало и новая система общественнаго устройства. Здѣсь многіе родичи связуются политическою властію одного вождя; семейство превращается въ военный станъ, а съ симъ вмѣстѣ и характеръ службы совершенно измѣняется. Кромѣ рабовъ учреждается дружина; подлѣ тіуновъ являются намѣстники, воеводы, волостели и т. п., однимъ словомъ, подлѣ домашней службы является *полевая*. По родовому началу тіунъ безусловно обязанъ службой; по военному на оборотъ: — Боярин и слуга, будучи членами дружины, служатъ Государю по дружбѣ, по товариществу. Не Государь ихъ обязываетъ службою, ибо „*боярамъ и слугамъ вольнымъ воля*“; напротивъ они обязываютъ Государя положить за службу награжденіе*.

Таковъ древній характеръ Русской Государственной службы! Мнѣ кажется, по древнему политическому понятію настоящая Государственная служба была только служба военная; а служба Гражданская, происходя отъ службы домашней, хотя впослѣдствіи отправлялась тѣми же лицами, въ собственномъ значеніи была не служба, а награда за службу, пансіонъ, *кормленье*. Вотъ почему даже въ Судебникѣ она раздѣляется на большое *кормленье съ боярскимъ судомъ* и малое *кормленье безъ боярскаго суда*. Это объясняется самою исторіею управленія. Правосудіе въ древности имѣло двѣ стороны: 1) источникъ княжескихъ доходовъ, или управленіе податей и сборовъ, и 2) собственно правосудіе, укрѣпленіе, защищеніе и возстановленіе правъ. Преимущественно первая сторона интересовала Князя земли; ему нужны были пошлины, а правосудіе прямо къ нему не относилось: на то были добрые люди, цѣловальники. Вотъ почему Княжескій судья называется *вирникомъ*, а потомъ *казначеемъ*. Этотъ финансовый характеръ правосудія во всей силѣ господствуетъ въ періодѣ Судебника. Бояре и слуги, отслуживъ Царю на ратномъ полѣ, или изувѣченные ранами, просились у Государя на воеводство *покормиться*, т. е. тѣ доходы съ суда, кои принадлежатъ Государю земли, предоставить имъ на извѣстное число лѣтъ. Изъ сего слѣдовало, что воеводская служба продолжалась только три или четыре года. Воевода, покормившись довольно, долженъ былъ предоставить ту же выгоду другимъ и *съѣхать* съ воеводства. Уложеніе

---

* Даже при Іоаннѣ Грозномъ отношеніе служилаго Боярина къ Государю походило болѣе на договоръ, въ обезпеченіе коего употреблялись поручительства („поручная запись“) и неустойки.

Царя Алексѣя Михайловича нашло всѣ сіи понятія о Гражданской службѣ господствующими и въ чиновникахъ и въ самомъ народѣ. И по Уложенію служба Государственная раздѣляется на *полковую* и *неполковую* (гражданскую). И здѣсь настоящая служба есть служба полковая, а служба неполковая тоже походитъ болѣе на пансіонъ за службу: ибо она исключительно предоставлена воинамъ — престарѣлымъ, раненымъ и увѣчнымъ. Этотъ обычай такъ укоренился въ Русскомъ народѣ и Гражданскихъ чиновникахъ, что даже указныя понятія со временъ Іоанна Грознаго, по коимъ Гражданская служба есть служба, а *не одно кормленье*, ничего не могли сдѣлать противъ народнаго убѣжденія. Въ классическомъ понятіи кормленье называется *взятками*, *лакомствомъ*; но простой народъ долго еще давалъ взятки съ видомъ добросовѣстнаго должника, а судьи принимали ихъ съ видомъ добросовѣстныхъ одолжателей. Русскія взятки суть порожденіе древняго казеннаго правосудія; только истинный переворотъ въ понятіяхъ о Государствѣ можетъ положить конецъ этому изпаринному обычаю. Что касается до канцелярій, дьяковъ и подъячихъ всѣхъ *статей*, то они были рабскаго, патріархальнаго, а не свободно-воинаго происхожденія. Историческій первообразъ ихъ есть *худородный дьячишко* Княжой („дьячишко мое постельное"). Поздо имъ досталось *благородіе!*

Мѣстничество. Взятки и мѣстничество суть порожденіе древнихъ обычаевъ, и въ періодѣ закона оба обратили на себя особенное вниманіе законодателей. Мы знаемъ, что взятки имѣли невинное начало, *гостинцы и судебныя пошлины*, и уже впослѣдствіи были названы *богомерскими* и *душевредными*; знаемъ и объ мѣстничествѣ, что встарину оно уважалось даже весьма самодержавными Государями, и только въ концѣ XVII вѣка названо *бого-ненавистнымъ дѣломъ*, началомъ злобы и вражды между людьми и зломъ Государственнымъ. Откуда же произошло это богоненавистное дѣло, великое зло Государственное? — Много объ этомъ и говорено и писано до сего времени; но ничего удовлетворительнаго не сказано и не написано. Въ прошедшемъ только году (1838) Московское Историческое Общество, напечатавъ дѣла о мѣстничествѣ, собранныя Дѣйствительнымъ Членомъ онаго Е. Г. Ивановымъ, разсѣяло нѣсколько мракъ, покрывавшій сей важный предметъ Государственной исторіи. Изъ сихъ напечатанныхъ дѣлъ видно, что мѣстничество есть древнѣйшій обычай, восходящій къ первымъ вѣкамъ нашей исторіи, и что правила мѣстничества, утраченныя для насъ невозвратно, составляли нѣкогда цѣлый кодексъ патріархальнаго чинопочитанія. Что же значитъ *мѣстничество?* — По позднѣйшимъ понятіямъ оно есть обычай, по коему членъ младшаго

или худшаго рода долженъ уступать мѣсто члену старшаго или лучшаго рода при всякомъ *случаѣ* — при всякой встрѣчѣ на службѣ, на пирахъ и во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ. Мѣстничались, т. е. спорили о мѣстахъ, въ войскѣ, за Царскимъ столомъ, въ свитѣ посольства и въ крестныхъ ходахъ. Стать, сѣсть, идти ниже своего мѣста было величайшимъ безчестіемъ личнымъ и родовымъ; для обиженнаго оно было *вмѣсто смерти и кнута*. — Можно себѣ представить, до какой степени зла доведенъ былъ этотъ обычай на службѣ и въ гостиныхъ! Служба и общественное образованіе чрезвычайно отъ него страдали; оно было хуже для общежитія, чѣмъ внутреннія таможни для торговли; оно было нелѣпѣе Нѣмецкаго чиноуваженія и несноснѣе рыцарской чести. — Откуда же произошелъ обычай мѣстничества, доведенный до такой вредной нелѣпости? —

Должно сказать, что мѣстничество, подобно взяткамъ, имѣетъ доброе начало. Съ перваго разу можно замѣтить, что оно патріархальнаго, древнѣйшаго происхожденія. Въ основаніи его лежитъ отеческая власть, честь и уваженіе, подобающія отцу семейства. Честь отцу есть высочайшая честь (majestas patria). Въ семействѣ отца состоятъ сыновья семейства, изъ коихъ старшій, по понятіямъ XVI вѣка, *ниже отца своего двумя мѣсты*, вторый тремя и т. д. Старшій братъ по смерти отца заступаетъ его мѣсто и начинаетъ собою старшее колѣно, которое имѣетъ преимущество предъ всѣми младшими; за симъ слѣдуетъ второй братъ, третій и т. д. и каждый уступаетъ мѣсто старшему. Честь Отца сообщалась всѣмъ его исходящимъ по мѣрѣ близкаго или дальняго отъ него разстоянія. Кто по степенямъ родства ближе къ общему родоначальнику, тотъ и честнѣе въ своемъ родѣ: по чему иногда племянникъ, если онъ отрасль старшей линіи, честнѣе бывалъ дяди, произходящаго по младшей линіи отъ общаго родоначальника. Этимъ опредѣляется относительная честь между всѣми боковыми линіями одного и того же рода. Во времена безписьменности Русскаго народа, въ патріархальномъ быту, безъ сомнѣнія встрѣчались *стычки* по мѣстничеству; но онѣ не могли причинить большаго зла: ибо родственныя отношенія были выразительнѣе, яснѣе, и доказательства на преимущество, вѣроятно, не восходили за 70 лѣтъ человѣческой памяти. Тогда этотъ обычай могъ быть даже полезенъ: ибо онъ сообщалъ нѣкоторый порядокъ обществу, не имѣющему никакого Гражданскаго устройства. Напротивъ, когда понятія старѣйшинства усвоены были Княжескими родами, тогда споры объ мѣстничествѣ не могли рѣшаться одною личною бранью Князей: они рѣшались войнами, опустошеніемъ, кровопролитіемъ. Вотъ причина меж-

дуусобныхъ войнъ во время удѣльнаго состоянія. Провидѣніе избавило народъ отъ удѣльныхъ Князей — они сдѣлались подданными Московскаго Царя; но зло еще не кончилось: Князья Рюрикова дома привезли съ собою въ Москву *родословцы*, *родословныя лѣсвицы*, и за 400 лѣтъ могли возводить доказательства на свое преимущество. Здѣсь-то раскрылось обширное поле *для отеческихъ дѣлъ* и началась неимовѣрно скучная, утомительная юриспруденція Розрядиаго приказа по дѣламъ мѣстничества. Мѣстъ у Государя на службѣ было множество, и обычай не замедлилъ раздѣлить ихъ по розрядамъ чести, съ такою подробностію, что они могли бы составить безконечную *табель о мѣстахъ* Государственной службы. Кромѣ неравенства честей по должностямъ были неравенства по мѣстамъ въ одной и той же должности: „*въ сторожевомъ полку первый воевода больши въ большомъ полку другаго воеводы мѣстомъ, а передоваго полку и сторожеваго полку другихъ воеводъ больши двумя мѣсты; — голова перваго посаду больши мѣстомъ головы втораго посаду и т. д;— Кто пздитъ* (въ объѣзжихъ головахъ) *отъ Неглинны до Чертольскихъ воротъ, тотъ больши того, кто пздитъ отъ Яузскихъ воротъ по Неглинну, а этотъ менши того, кто пздитъ въ Китаѣ городѣ*, а этотъ *менши того, кто пздитъ въ большомъ городѣ*. — Полевой *воевода больши осаднаго воеводы.—Кто смотритъ въ большой столъ у Государя, тотъ больши того, кто смотритъ въ кривой столъ и т. д.* Сверхъ того были должности, почтенныя сами по себѣ, но безчестныя въ глазахъ знаменитыхъ родовъ, н. п. должность городничаго (коменданта), командировъ и офицеровъ пѣхоты (стрѣлецкіе головы, полуголовы и т. д.), прапорщика („знаменщикъ“) и т. д. Но что значатъ всѣ эти мѣста, первое, второе мѣсто, третье, и т. д., о которыхъ спорили наши *честные роды?* — чины, или классныя должности на службѣ? — Ни то, ни другое! Если бъ мѣста значили чины, то было бы вовсе не понятно, откуда и къ чему такое множество чиновъ. Вотъ табель чиновъ въ періодѣ Уложенія: Боярипъ, Окольничій, Думный дворянинъ (человѣкъ), Думный дьякъ, Стольникъ, Стряпчій, Дворянинъ, Жилецъ, Боярскій сынъ—всего 9 служебныхъ чиновъ; тогда какъ въ тяжбахъ о мѣстничествѣ одинъ другаго *утыкаетъ*, что онъ больше его 11ю, 14ю и болѣе мѣстны: слѣд. мѣсто и чинъ не одно и тоже. Еще менѣе можно назвать мѣсто классною должностію. Правда, что должности были одна другой выше и ниже; но мы не видимъ примѣра, чтобъ онѣ приведены были въ классы; напротивъ мы знаемъ, что одна и таже должность имѣла множество мѣстъ, способна была произвесть безконечныя степени честей одна другой выше, смотря по количеству совмѣстниковъ. Здѣсь надобно понять духъ древняго служебнаго порядка. Я спрашиваю,

была ли встарину военная и статская субординація, какъ мы ее теперь понимаемъ? Князья и Бояре понимали ли хорошо, что такое начальникъ, подчиненный? — Мнѣ кажется, эти понятія вовсе незнакомы были ихъ честности, по крайней мѣрѣ до учрежденія въ Москвѣ Европейскихъ войскъ. Полагаю, что встарину садились на коней и отправлялись въ походъ точно въ такомъ устройствѣ, какъ теперь въ старинномъ купеческомъ домѣ садятся за столъ званые гости. Главный воевода отнюдь не былъ начальникъ, а только первенствующій. Всѣ другіе, третьи и т. д. воеводы слушались его когда хотѣли, даже могли безнаказанно отдѣлиться отъ строя и итти куда имъ угодно, — всё равно, если бы гость, недовольный хозяиномъ и собесѣдниками, вышелъ изъ-за-стола, не дождавшись конца. Тутъ не было ни начальниковъ, ни подчиненныхъ, а просто порядокъ родственниковъ, занявшихъ мѣста по родословной лѣсвицѣ. Такой характеръ имѣла даже *служба* (походъ) *Чигиринская* въ XVII вѣкѣ, Польская и т. д.— Воевода, обезчещенный *въ своемъ отечествѣ*, не слушается команды и идетъ прочь съ мѣста сраженія, или не подкрѣпляетъ погибающаго товарища,—и правъ предъ лицемъ Закона: ибо онъ обезчещенъ въ своемъ отечествѣ. Зачѣмъ ему *стеречь Князя Данила* (т. е. быть въ арріергардѣ), когда онъ самъ бо́льши его по родословной лѣсвицѣ, и имѣетъ на то документы въ шапкѣ? Быть ниже кого либо мѣстомъ значило быть рабомъ, холопомъ своего предмѣстника, и Государство здѣсь вовсе не входило въ расчетъ. Князья не понимали, что́ такое есть Государство. Итакъ я полагаю, что мѣсто означало старшинство, а не чинъ и не должность.

Первый примѣръ Государственнаго мѣстничества безъ сомнѣнія подали удѣльные Князья, поступившіе въ Московскую службу; но какимъ образомъ этотъ обычай сообщился Боярамъ, которые не имѣли ничего общаго съ потомками Рюрика? Мы видимъ, что Бояре мѣстничаются и съ такими же Боярами, и съ Князьями, произходившими отъ Рюрика. Слѣд. здѣсь мы находимъ другое основаніе чести, — не отечество, а личное *дородство*, — *счетъ по розряду*. Тамъ большинство опредѣлялось степенями родства, идущими вверхъ къ родоначальнику; здѣсь большинство давалось Государемъ по способностямъ и по службѣ. Изъ сего возникло слѣдующее положеніе Розрядной Юриспруденціи: „*великъ и малъ живетъ Государевымъ жалованьемъ; то, Государь, дѣлается Царскимъ милосердіемъ, и въ чести живутъ и въ безчестьи.*“ По этому правилу иногда младшая линія рода, будучи ниже старшей линіи отечествомъ, или лѣсвицей, стояла выше ея по розряду и одерживала верхъ. Всякъ взысканный Государевой милостію становился *великъ* со всѣми его исходящими. По этому же началу, кто *великъ* былъ

по лѣсницѣ, становился иногда *малъ* и *худъ* по розряду со всѣми исходящими. Причины такой *худобы* были различны: бѣдность, уступка въ отечествѣ совмѣстнику за деньги, безвозмездная уступка, немилость Государя, неспособность къ службѣ. Случалось и весьма родословнымъ людямъ держать стремя неродословному временщику и служить въ войскѣ простыми рейтарами и солдатами. Бѣдность тому причиной. Вообще же должно замѣтить, что мѣстничались на службѣ почти исключительно дѣти знатныхъ Бояръ и Князей; а прочіе дворяне и боярскіе дѣти исполняли приказанія высшихъ безпрекословно: ибо въ ихъ званіи кнутъ находился къ нимъ ближе. Притомъ въ соборномъ дѣяніи о истребленіи мѣстничества упомянуто (1682 г.), что всѣ выслужившіеся со временъ Іоанна Грознаго вовсе не имѣли родословныхъ: слѣд. имъ и не почемъ *было считаться отечествомъ*. — Если же мѣстничество было въ обычаѣ преимущественно у знатныхъ родовъ, которые всю свою честь полагали въ родословной лѣсницѣ, то можно предложить вопросъ: съ какого чина начиналъ службу *отеческій сынъ*, Княжъ или Боярчь?—Отвѣтъ довольно труденъ. Изъ разныхъ опытовъ производства въ чины по придворной службѣ видно, что дѣти Бояръ прямо производились въ стряпчіе (камергеры или камеръ-юнкеры). Производство по военной службѣ намъ менѣе извѣстно. Впрочемъ, кажется, всѣ офицерскіе чины назывались воеводами, и становились по лѣсницѣ и по розряду отцовъ; если же правила производства, введеннаго въ XVII вѣкѣ для полковъ Европейскаго образованія, гдѣ поставлены уже *и начальники и подчиненные*, были одинаковы съ древними: то сынъ вельможнаго Боярина поступалъ на службу прямо ротмистромъ и поручикомъ. — Этотъ порядокъ производства усматривается въ обычаѣ XVIII вѣка — новорожденныхъ вельможъ записывать въ полкъ, дабы они въ дѣйствительную службу поспѣли прямо капитанами.

Теперь понятно, отъ чего сосѣди такъ дерзко презирали оружіе храбраго народа, и напротивъ становится непонятнымъ, какимъ образомъ Россія, томясь подъ лѣсницами Князей и Бояръ, не утратила своей самобытности въ войнахъ съ отважными Поляками и съ регулярнымъ мужествомъ Шведовъ?—Видимо, кровь рядоваго дворянства омывала грѣхи Бояръ, и Провидѣніе умилялось этой жертвой! Впрочемъ нельзя безусловно винить и Бояръ. Вѣроятно, здравомыслящіе изъ нихъ сами не рады были непобѣдимой силѣ нелѣпаго обычая, и покорялись ему для того, чтобъ не говорили объ нихъ другіе роды съ злобнымъ самодовольствомъ, что „*такой-то посланъ за посмѣхъ*,“ когда онъ изъ любви къ Царю и Отечеству желалъ быть и *въ малѣ спрытымъ*. Долго Государи боролись съ

этимъ угасающимъ духомъ удѣловъ. Не отваживаясь на конечное его истребленіе, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ требовалась особенная личная доблесть, а не лѣсница родословная, они давали диктаторскій приказъ: „*быть безъ мѣстъ; а какъ служба минется, и Государь имъ велитъ тогды дать счетъ.*“ Но и тутъ отеческія дѣти роптали и жаловались;—„*то имъ смерть, что имъ быть безъ мѣстъ; — вмѣсто смертной казни.*“ Подъ конецъ XVII вѣка всѣ народныя сословія были не довольны спорами о мѣстничествѣ. Духовенство, какъ сословіе, основанное на іерархіи личныхъ дарованій, болѣе всѣхъ возстало на мѣстничество, и Патріархъ на Земскомъ соборѣ произнесъ: „*да погибнетъ во огни оное Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное, и любовь отгоняющее мѣстничество, и впредь да не воспомянется во вѣки.*“ Во исполненіе сего всѣ розрядныя книги и отеческія дѣла собраны въ одну кучу, и преданы всесожженію. — Россія обоняла благоуханный дымъ всесожженія!... Въ XVIII вѣкѣ Петръ Великій вмѣсто старинныхъ отеческихъ лѣсницъ воздвигъ одну великую лѣсницу (табель о рангахъ). Нижнимъ концомъ она упирается въ глубину народа, а верхнимъ восходитъ къ подножію трона. Государство даруетъ честь только „*по годности.*“

Состоянія народа.

Дворянство. Семейство есть зачатокъ Государства. Въ немъ заключаются уже всѣ стихіи, изъ коихъ впослѣдствіи слагается Государство. Въ семействѣ разкрывается уже власть и подчиненность: власть осуществляется въ отцѣ, подчиненность въ дѣтяхъ семейства и въ рабахъ. Семейственная земля въ маломъ видѣ предвѣщаетъ уже державную собственность Государства. Этотъ зачатокъ, будучи предоставленъ собственной судьбѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, по закону рожденія (natio, accessio) можетъ сдѣлаться многочисленнымъ племенемъ, народомъ, и жить подъ верховной властію родоначальника, управляясь преданіями и обычаями старины. Это самый естественный и, можно сказать, невинный способъ происхожденія Государствъ. Во всемірной исторіи встрѣчаются примѣры такого образованія. Но есть и еще способъ составленія, совершенно противуположный первому, а именно способъ завоеванія. Одно племя побѣждаетъ другое, отнимаетъ у него самобытность, законы, языкъ и собственность, и дѣлается совершеннымъ господиномъ побѣжденнаго. Такихъ примѣровъ множество, и едва ли это не общее правило происхожденія Государствъ. Случалось и такъ, что

первый побѣдитель былъ побѣжденъ вторымъ побѣдителемъ, вторый третьимъ и т. д. Такъ въ древности Египетъ образовалъ изъ себя цѣлую пирамиду племенъ, лежащихъ одно на другомъ; въ новой исторіи племя Англосаксовъ садится на Бретоновъ, племя Норманновъ на Англосаксовъ, составляя слои цивилизаціи, одинъ другаго выше, и всѣ вмѣстѣ опираясь на первобытномъ племени земли.

Народъ патріархальнаго и народъ военнаго образованія, будучи не сходны по способу составленія, выдерживаютъ это несходство во всей исторіи государственнаго существованія. Въ государствѣ патріархальнаго образованія не бываетъ различія въ народныхъ состояніяхъ. Будучи всѣ сынами одного родоначальника, племенемъ единой крови, не смотря на различіе богатствъ и промысловъ, они взаимно себя уважаютъ; ибо основаніе чести для всѣхъ одинаково, равное происхожденіе отъ Князя племени. Это равенство выражается равенствомъ участія въ управленіи государствомъ и въ службѣ, равенствомъ браковъ между всѣми членами государства и равенствомъ правъ на принадлежащее каждому имущество. Только богатство и бѣдность могутъ полагать различіе состояній, и то не юридическими, а фактическими преимуществами и ограниченіями. Совсѣмъ другое происходитъ въ государствѣ военнаго образованія. Побѣдители презираютъ побѣжденныхъ, не чтутъ ихъ святыни, не признаютъ браковъ, собственности, и слѣдственно не признаютъ въ нихъ никакой чести; — кровь побѣжденныхъ почитаютъ нечистою, и самую жизнь ихъ не болѣе, какъ господскою милостію (praecarium). Это нормальное въ древности отношеніе между побѣдителями и побѣжденными умѣряется иногда первоначальною капитуляціею побѣжденныхъ съ побѣдителями, или добровольнымъ поступленіемъ въ покровительство сильныхъ. Почему и степени униженія и безчестія для побѣжденныхъ и подзащитныхъ не вездѣ одинаковы. Отъ сего въ Государствѣ происходятъ два класса: одинъ имѣетъ всѣ права, другой или вовсе никакихъ, или только фактически, изъ милости господствующаго класса пользуется нѣкоторымъ подобіемъ правъ. Естественно, господствующіе не сообщаются съ низшимъ классомъ ни службою, ни браками и никакими другими правами. Почему въ исторіи сего народа появляются возстанія, междоусобія, тяжба о правахъ и всѣ насильственные перевороты государства.

Россійское Государство по способу своего образованія, какой имѣетъ характеръ, патріархальный или военный, порожденіемъ или завоеваніемъ оно составилось?—Еслибъ Лѣтопись Преподобнаго Нестора не могла дока-

зать, что Россія составилась не завоеваніемъ, а нарожденіемъ; то Уложеніе со всѣми восходящими законами убѣдило бы насъ, что Россія есть государство патріархальнаго образованія. Народное сознаніе настоящаго времени и исторія прошедшаго свидѣтельствуютъ, что встарину у насъ были различныя занятія и ремесла, но не было различныхъ классовъ народа. Самое сильное доказательство этой истины содержитъ Ярославова Правда, которая жизнь селянина („Русинъ") и горожанина („Гридень"), купца и чиновника — военнаго и статскаго, пуземца и выходца, считаетъ за одно, въ 40 гривенъ; чего не могло быть, еслибъ среди насъ были побѣдители и побѣжденные, благородные и неблагородные. Русскій крестьянинъ въ душѣ считалъ себя домохозяиномъ, собственникомъ земли, бралъ на свою совѣсть защиту и спасеніе отечества, и относилъ къ себѣ и славу побѣдъ, и гнѣвъ, и благословеніе Божіе. Въ духѣ Русскаго народа есть и національная гордость, и народная самобытность и патріотизмъ, — черты непобѣжденнаго народа. Теперь взгляните на Бояръ до XVII вѣка, и изслѣдуйте, какой у нихъ образъ мыслей, какой языкъ, какія понятія о правахъ, о чести, какіе у нихъ обычаи, законы ихъ сословія, уголовныя наказанія, права имущественныя, наслѣдованіе? — рѣшительно всё общенародное, патріархальное. Даже мѣстничество, въ которомъ исключительно раскрывается Дворянское понятіе о чести, отнюдь не есть обычай пришлаго дворянства, а древнихъ княжескихъ родовъ, и есть общій всѣмъ классамъ Русскаго народа. Если Россія есть Государство патріархальнаго образованія, то откуда же возникли у насъ различныя состоянія народа, Дворянство, городскія сословія, классъ крестьянъ, имѣющіе различныя права и ограниченія, различный образъ мыслей, языкъ и обычаи? — Изъ военныхъ обстоятельствъ Государства. Во времена до-историческія надъ поверхностію Русскаго народа появляется классъ иностранцевъ, не насильники, а выходцы изъ чужихъ краевъ, преимущественно Славянскихъ же, изъ Богеміи, Балтійской поморіи и съ береговъ Дуная, народъ военный, бродящій, гуляки. Они предлагаютъ услуги Русскимъ племеннымъ Князьямъ, и ставятъ ихъ въ военное отношеніе къ соплеменнымъ и инoплеменнымъ народамъ. Будучи пріёмышами среди Русскихъ племенъ, наемниками, а не домовладыками, первоначально они не могли имѣть никакихъ другихъ правъ и преимуществъ, кромѣ свободы переходить на службу отъ одного Князя къ другому. „*А Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля.*" Вотъ начало правъ Русскаго Дворянства! Въ томъ же духѣ и въ томъ же порядкѣ продолжаются наборы иностранцевъ въ военное *ремесло* до позднѣйшихъ временъ. Древній періодъ Дворянства можно назвать наборомъ въ Дворянство

изъ Прибалтійскихъ странъ Европы, но преимущественно изъ Славянскихъ. Онъ продолжается до Іоанна III. Съ сего времени до междуцарствія наборъ изъ Европейскихъ странъ продолжается; но наборъ изъ Восточныхъ иноплеменниковъ, оспанковъ Монгольскихъ, Татаръ, Кабардынцевъ и Грузинцевъ дѣлается господствующимъ. Почти вся масса Казанскаго и Астраханскаго дворянства вмѣстѣ съ удѣльными Боярами и слугами вошла въ составъ Московскаго Дворянства съ званіемъ Магометанскаго, провинціальнаго, или „городоваго“ дворянства. Наборъ иноспранцевъ въ Дворянство и Русскихъ подданныхъ въ *даточные* продолжается во весь средній періодъ нашей исторіи; но до сихъ поръ права Дворянства были весьма неопредѣленны: это была смѣсь разныхъ преимуществъ, вовсе не выражающихъ того, что̀ должно разумѣть подъ правами дворянства, смѣсь преимуществъ, взятыхъ отъ древности рода, отъ богатства, милостей Государя и личныхъ способностей. Наконецъ въ періодъ Уложенія Дворянство сложилось въ своемъ составѣ и характерѣ. Царь Алексѣй Михайловичь назвалъ его *служилымъ* классомъ, и отдѣлилъ отъ всѣхъ неслужилыхъ сословій. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь утвердилъ родословныя права его. Впрочемъ всѣ сіи преимущества были только внѣшнія; — душею же дворянство сливалось съ народомъ. У насъ никогда не было неравныхъ браковъ; никогда совершенно не прекращалось для свободныхъ классовъ отчинное владѣніе, не только населёнными, но и населёнными землями; въ древнія времена воспитаніе благородныхъ не отличалось рѣзко отъ воспитанія простонароднаго; никогда благородные не были изъяты отъ пытки и отъ тѣлеснаго наказанія. Но XVIII вѣкъ быстро измѣнилъ всѣ древнія отношенія между народными классами. Петръ Великій облаченіемъ Дворянства въ Европейскіе костюмы и военнымъ воспитаніемъ, Императрица Елисавета порабощеніемъ Французскому языку и модамъ, Екатерина II избавленіемъ отъ тѣлеснаго наказанія и посвященіемъ въ рыцарскія понятія, отдѣлили его отъ простаго народа и отъ духовенства на далекое разстояніе. Русское Дворянство, не наслѣдовавъ ничего лишняго отъ исторіи, чтобъ отличить себя — съ радостію усвоило чужой языкъ, чужіе нравы, чужія понятія о чести, и тѣмъ отлично успѣло себя поставить на степень Этруско-Сабинскаго, Французскаго и Норманскаго Дворянства. Чего не дано рожденіемъ, то пріобрѣтено воспитаніемъ!

Духовенство. Тамъ, гдѣ государство основано на завоеваніи, дворянство всегда было осторожно, подозрительно съ классомъ побѣжденныхъ, и крайне смотрѣло на то, чтобъ какая нибудь важная власть не попала въ руки народа. Поелику вѣра и народная мысль весьма много

значанъ въ составѣ государства; но духовная власть есть немаловажный предметъ законодательства. Почему вездѣ, гдѣ дворянство есть классъ побѣдителей, Духовенство большею частію составлено изъ дворянскихъ родовъ, для того, чтобъ оно не мѣшало дѣйствію дворянства на народъ. Дворянство поработивъ народъ мечемъ земнымъ, а духовенство соблюденъ его мечемъ духовнымъ, и это положитъ прочную основу государства. Наша исторія и здѣсь составляетъ важное отступленіе отъ исторіи другихъ народовъ. Наше Духовенство народнаго происхожденія.

Законодатели довольно рано замѣтили, что состояніе нашего Духовенства не соотвѣтствуетъ Государственной цѣли, и потому приняли надлежащія мѣры къ исправленію. Отсюда начинается для Чернаго Духовенства рядъ ограниченій въ скопленіи недвижимостей, а для Бѣлаго — улучшеніе порядка и пробужденіе ученаго духа учрежденіемъ приходскихъ школъ, монастырскихъ училищъ и наконецъ Славяно-Греко-Латинской Академіи. Петръ Великій, существенно измѣнивъ отношеніе Дворянства къ народу, вознамѣрился сблизить Бѣлое духовенство съ дворянствомъ, предлагая кадетамъ священство; однакожъ это не сбылось по его желанію.

Городскія сословія. Соединеніе воинственнаго духа съ торговыми дарованіями въ Русскомъ народѣ предвѣщаетъ въ немъ великія способности къ совершеннѣйшему развитію нравственныхъ и физическихъ силъ. Природа, щедро одаривъ его умственными силами, открыла ему два свободные пути торговли, Волгу и Днѣпръ. *Волга*, мать Россійскаго Государства, съ глубокой древности служила путемъ въ Хвалисы, къ Славянскому народу, а черезъ нихъ для Сѣверной Европы открыла торговое сообщеніе съ Персіей, Мидіей, Вавилономъ и Индіей. Волга гораздо прежде временъ Рюриковыхъ была обитаема купечествующими народами. *Добрыня* недаромъ назвалъ ихъ *сапожниками*; еще географъ Страбонъ замѣтилъ у нихъ драгоцѣнные женскіе уборы, вывозимые изъ за Каспійскаго моря. Это не осталось безъ важныхъ послѣдствій для Русской Исторіи: Приволжскія земли, Нижегородская, Рязанская, Ярославская, Бѣлозерская и Тверская сдѣлались разсадникомъ Русской торговли и народнаго образованія. *Днѣпръ* заманилъ Грековъ въ глубину Сѣвера, гдѣ во времена Геродота уже существуетъ строеніе судовъ на продажу Греческимъ колоніямъ и хлѣбная торговля съ Черноморскими городами. По всѣмъ историческимъ извѣстіямъ нашъ Кіевъ долженъ существовать во времена Геродота подъ именемъ *Древляна-града* (Γελονος);

да и бытіе Новагорода также восходитъ къ временамъ отдаленной древности. Однимъ словомъ, все убѣждаетъ насъ, что Русская земля задолго до Рождества Христова введена была въ систему Греческой и Индо-Мидійской торговли. Въ началѣ нашей исторіи путь Греческій закрывался по мѣрѣ прибытія воинственныхъ варваровъ въ сосѣдство Чернаго моря; напротивъ путь Индо-Мидійскій оставался чистъ до нашествія Монголовъ. Въ то время, какъ южная и до-Волжская Россія терпѣла опустошенія отъ сихъ варваровъ, Новгородъ подъ защитою непроходимыхъ путей пользовался свободой торговли на всемъ пространствѣ Заволожья и Балтійскаго поморья. Купеческій духъ образовалъ въ немъ богатую республику и школу торговли для цѣлой Россіи. По уничтоженіи вольности, Новгородъ всѣмъ своимъ существомъ, всѣми богатствами и торговымъ образованіемъ вошелъ въ составъ Московскаго Государства. Тогда Москва изъ военнаго стана быстро сдѣлалась столицею промышленности: вмѣ города Бѣломѣсцевъ (Дворянъ) раскинулся обширный городъ Чернослободцевъ. Владиміръ, Ростовъ, Ярославль и Угличъ ожили его опальными капиталами и торговою дѣятельностію. Появились капиталисты, основались фабрики и заводы. Москва сдѣлалась городомъ. Однакожъ не смотря на свою блестящую наружность, до временъ Уложенія она состояла на *деревенскомъ положеніи* — на сельскихъ правахъ. Прочіе города Царства Московскаго были также большими деревнями. Въ юридическомъ смыслѣ, за исключеніемъ Новгородской области, въ великой Россіи вовсе не было городовъ. Девятнадцатая Глава Уложенія (о *посадскихъ людяхъ*) дастъ замѣтить, что Москва до сего времени была не что иное, какъ военный станъ Московскихъ Государей и собраніе отчинныхъ деревень. Кремль, обнесенный множествомъ дворянскихъ домовъ съ пашенными дворами, житницами, кладовыми, погребами составлялъ Царевъ-городъ. Онъ опоясывался Бѣлымъ городомъ, гдѣ жили военные чины съ ихъ прислугами. Въ Земляномъ городѣ начинались дѣловыя и оброчныя слободы, принадлежавшія въ собственность Царю, Патріарху, Митрополитамъ, монастырямъ, боярамъ, дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ. Москва была объята крѣпостнымъ правомъ. Прочіе города болѣе или менѣе также были вотчинами дворянства, духовенства и Двора Государева. Однимъ словомъ, въ градоустройствѣ Русскомъ велся еще древній духъ удѣловъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, вѣрный своей мысли вездѣ утвердить свое Государево Государство, а можетъ быть послѣдуя примѣру Литовскихъ В. Князей, даровавшихъ городамъ югозападной Россіи муниципальныя права, еще до изданія Уложенія торжественно провозгласилъ свободу городовъ, — онъ повелѣлъ, чтобы вездѣ было сго

Великаго Государя Государство, и чтобъ горожане ни чѣмъ именемъ, кромѣ его Государева имени, не назывались, и навсегда избавилъ города отъ крѣпостнаго состоянія. Съ сихъ поръ крѣпостные слобожане должны были или продать свои городскіе домы и лавки тяглымъ Государевымъ людямъ, или оставивъ сельское званіе, навсегда вступить въ городское сословіе. Такимъ образомъ вотчинственная Москва нѣсколькими столѣтіями позже Новагорода получила городовое положеніе. Этотъ знаменитый законъ эманципаціи городовъ долженъ былъ произвести большія перемѣны во всемъ составѣ Государства.

Городовыя сословія Московскаго Государства пользовались обширными правами. Гости были въ милости у Царя и въ уваженіи у Бояръ, съ которыми они раздѣляли преимущество владѣть крѣпостными деревнями, кабальными и старинными холопями. Они составляли почетный классъ гражданъ. Купцы всѣхъ названій и прочіе Чернослободцы, или мѣщане, хотя не пользовались правами и честію гостей, однакожъ со временъ Іоанна Грознаго до Петра Великаго и они имѣли представителей своего сословія на великихъ земскихъ соборахъ: давали свои заключенія Царю о мирѣ и войнѣ, о наложеніи податей и о торговлѣ, и вмѣстѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ слушали и подписали Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Петръ Великій любилъ это сословіе, собралъ его, какъ разсѣянную храмину, въ одну корпорацію, и думалъ даже облагородствовать, обѣщая почетному купечеству права дворянства и приглашая благородныхъ кадетовъ записываться въ купцы; но надежда Преобразователя не исполнилась: ибо два указа о подушномъ сборѣ и о рекрутской повинности поставили гостей и купцовъ на ряду съ казенными крестьянами.

Сословіе крестьянъ. Гораздо ниже чернослободцевъ были Крестьяне, жители селъ и деревень. Главные виды сего сословія были: Крестьяне Государевы, вотчинниковы, помѣщиковы и церковные.

Гражданскіе законы.

Мы видѣли, что Судебникъ Ц. Іоанна Васильевича есть не что иное, какъ уставъ судопроизводства, котораго главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы обмежевать поприще, на которомъ право пляшется съ неправомъ. Государь считалъ себя обязаннымъ дать способъ защищать и отыскивать права, и какъ бы условиться съ тяжущимися, что̀ онъ намѣ-

рѣнъ принимать за судебное доказательство и чего не намѣренъ; по рѣшить, что́ право и неправо, онъ предоставляетъ цѣловальникамъ. По этому, какъ мы выше замѣтили, настоящее право не могло войти въ составъ законодательства. Уложеніе въ семъ отношеніи сходно съ Судебникомъ. Правда, здѣсь кругъ зрѣнія законодателя весьма разширился подъ вліяніемъ Церковнаго права и въ особенности Литовскаго Статута. въ Уложеніе вошло много предметовъ новыхъ, коихъ не было въ Судебникѣ) знатная часть Государственнаго права о Царѣ и Дворѣ его, о ратныхъ людяхъ и т. п. изъ обычая перешла въ законъ); но Гражданское право Уложенія создано по идеѣ Судебника и даже расположено по его плану. Все оно сосредоточено въ Гл. X. о Судѣ. Всѣ же прочія Главы: о помѣстьяхъ судъ, о вотчинахъ судъ, о крестьянахъ судъ, о холопяхъ судъ и т. д., суть развитіе той же Главы о судѣ; и если онѣ помѣщены отдѣльно, то единственно потому, что каждый предметъ ихъ подлежалъ особому порядку укрѣпленія и судопроизводства. Но отъ чего жъ эта формальная сторона законодательства въ Уложеніи исполнена содержанія, обильныхъ понятій о самомъ правѣ? — Я уже говорилъ, что съ Судебника до Уложенія совершился періодъ важныхъ и многочисленныхъ нововведеній. Въ слѣдствіе сего Гражданское право Уложенія, не смотря на пѣсныя рамы устава о Судѣ, своею органическою силою поревалось къ дѣятельному и обширному развитію. Для того, чтобъ видѣть ближе, въ какомъ состояніи тогда была Русская юриспруденція, мы должны читать X, XVI и XVII Главы Уложенія и служившія для нихъ развитіемъ Новоуказныя статьи сего періода. Всѣ онѣ выражаютъ борьбу древнихъ началъ съ новыми и геніальнаго Русскаго смысла съ собственнымъ его невѣжествомъ,— выражаютъ требованіе высшихъ, отвлеченныхъ началъ законовѣденія. Дѣйствительно, юридическія начала Уложенія нерѣдко взаимно себѣ противорѣчатъ, взаимно себя отрицаютъ; но сила юридическаго мышленія, доходя до несообразности, умѣла возвращаться назадъ и повѣрять себя общими началами. Къ концу сего періода можно было надѣяться, что геній Законодательства выйдетъ изъ лабиринта противорѣчій, и, сбросивъ съ себя казуистическое обличіе, откроется въ торжествующемъ единствѣ, въ одной начальной мысли, примиряющей всѣ несообразности.

На какихъ юридическихъ началахъ основана Гражданская часть Уложенія?

Право семейственное здѣсь менѣе другихъ частей положительно, — *во первыхъ* потому, что Гражданская сторона его принадлежала къ обычаямъ,

и не имѣла нужды въ положеніяхъ закона; *со вторыхъ*, по понятіямъ XVII вѣка союзъ семейственный по превосходству основывалъ обязанности нравственныя, а не юридическія: почему и относился болѣе къ вѣдомству Церковному, нежели Гражданскому. Положенія о бракѣ, права и обязанности, изъ него возникающія, весьма рѣдко приводятся въ Уложеніи, и то по случаю вопроса о правѣ наслѣдованія и обезпеченія вдовъ по смерти мужей, или по другимъ случаямъ, какъ н. н. при вопросѣ о наказаніи женъ за убіеніе мужей. Союзъ родителей и дѣтей также подлежалъ опредѣленію Церковнаго права. Впрочемъ изъ Уложенія видно, что отеческая власть имѣла преимущество предъ общею родительскою властію, что она была довольно обширна, и почти располагала жизнію и свободою дѣтей, — а въ имущественномъ отношеніи почти уничтожала личность сына, который то сливался съ личностію отца, то отдѣлялся отъ него въ своихъ юридическихъ дѣйствіяхъ. Въ Уложеніи нѣтъ другаго рожденія дѣтей, кромѣ естественнаго. Незаконнорожденные оставлены безъ правъ семейственныхъ и безъ надежды узаконенія (ни per subsequens matrimonium, ни per rescriptum Principis). Что̀ касается до внѣшней части супружества, *приданаго*, то Римское Право какъ ни старалось подчинить его своимъ началамъ и Церковная власть своему вѣдомству, однакожъ, оно осталось предметомъ земскаго національнаго Права. Наконецъ образъ отеческой власти, *опека*, въ Уложеніи упоминается очень рѣдко: ибо она считалась дѣломъ семейства, и принадлежала еще къ обычаямъ, а не къ законодательству. По обычаю предковъ *родимцы* (agnati) были опекунами, безъ отвѣтственности предъ Правительствомъ, но съ отчетностію предъ самими питомцами, по достиженіи ими совершеннолѣтія. Настоящая наша опека есть Литовскаго произхожденія (т. е. Лит. Статута). Чисто-Гражданская сторона Уложенія, пріобрѣтеніе и укрѣпленіе имуществъ, развита гораздо обширнѣе и положительнѣе. И прежде имущества по ихъ природѣ раздѣлялись *на движимыя и недвижимыя*; но эти названія извѣстны были только въ Церковныхъ судахъ сего времени, ибо они Римскаго происхожденія. Уложеніе не знаетъ также различія между вещами *священными* (res sacrae) и *мірскими*; но и эти названія уже извѣстны въ Церковныхъ судахъ, и также заимствованы изъ Римскаго Права. Гораздо важнѣе казалось отношеніе имуществъ къ Гражданскимъ правамъ, различеніе ихъ на родовыя и благопріобрѣтенныя („родовая и купленая вотчина“), имѣющее обширное приложеніе въ правѣ наслѣдованія и въ правѣ обязательствъ. Уложеніе различаетъ *владѣніе* отъ собственности, и самое владѣніе подраздѣляетъ (хотя другими названіями), на законное и незаконное, добросовѣстное и недобросовѣстное, насильственное

ное, подложное и тайное; но не даетъ ему иска отдѣльно отъ собственности. Къ роду законнаго владѣнія относно владѣніе *помѣстное*, составлявшее въ это время обширную область Гражданскихъ правъ, кои получили въ семъ періодѣ полное систематическое развитіе. Владѣніе въ соединеніи съ правомъ собственности составляло вторую половину вещныхъ правъ, и въ слѣдствіе патріархальныхъ обычаевъ уже приготовлялось поглотить въ себѣ владѣніе помѣстное, основанное на военномъ началѣ. Трудно рѣшить, что̀ хотѣлъ сдѣлать Петръ Великій изъ всего Русскаго владѣнія, отчинное ли владѣніе будетъ, или помѣстное, когда онъ смѣшалъ ихъ въ одно недвижимое имущество, безъ всякаго различенія шилъ. Хотя по аналогіи съ мѣстничествомъ слѣдовало бы ожидать, что вотчинное владѣніе, какъ выраженіе патріархальнаго начала, уничтожится въ помѣстномъ, которое чаще соединялось съ личною доблестію владѣльца; однакожъ послѣдствія доказали, что первое одержало верхъ надъ вторымъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II Русская собственность объявлена чистою и какъ бы самодержавною: она признана совершенно свободною отъ регалій и отъ всѣхъ помѣстныхъ обязанностей и ограниченій; — одна природа ограничиваетъ ее неизбѣжнымъ закономъ сосѣдства. Понятія о вотчинномъ и помѣстномъ правахъ въ періодѣ Уложенія были вѣрны и точны; юриспруденція безъ шруда опредѣляла по крѣпостямъ законное отношеніе владѣльца къ предмету владѣнія. Но когда совершился общій переворотъ Законодательства, тогда всѣ вещныя права сдѣлались такъ пёмны и такъ неопредѣленны, что даже теперь мы не можемъ съ точностію различать нѣкоторыхъ владѣній, вотчинныя они или оброчныя, образовавшіяся изъ помѣстныхъ. Екатерина II истолковала переворотъ въ пользу Дворянства: для дворянина всё стало вотчиннымъ, свободнымъ; но владѣнію бѣднаго однодворца, который утверждаетъ его по тѣмъ же Писцовымъ книгамъ и жалованнымъ грамашамъ, и первоначально пріобрѣлъ на тѣхъ же помѣстныхъ правахъ, какъ и дворянинъ, какой характеръ должно приписать, вотчинный или казенно-оброчный? — съ точностію рѣшить не возможно. Есть указы къ поясненію сего предмета; но ученая юриспруденція, для которой служитъ указателемъ, между прочимъ, и Исторія Законодательства, не можетъ успокоиться на своихъ положеніяхъ.

Всѣ положенія закона, коими опредѣляется въ семъ періодѣ пріобрѣтеніе, пользованіе, ограниченіе и прекращеніе правъ имущественныхъ, не составляютъ особаго отдѣла въ Уложеніи; *они разумѣются сами собою*, или изчезаютъ во всеобъемлющей системѣ укрѣпленія правъ. — По

древнему казенному началу законовѣденія, всѣ Гражданское право, всѣ вопросы и отвѣты о правахъ вращаются между двумя полюсами, между *крѣпостными пошлинами и судебными издержками.* Эти полюсы обозначились еще до Уложенія, въ самомъ Уложеніи и въ Новоуказныхъ статьяхъ; но при Петрѣ Великомъ они приведены въ сильнѣйшее напряженіе — всѣ уступаетъ симъ двумъ дѣятелямъ, и высшіе Государственные интересы, и такъ называемая *естественная справедливость.* Въ судѣ нѣтъ мѣста для естественной справедливости, если она напередъ не очищена крѣпостными или челобитенными пошлинами. Прежде всего обращено вниманіе судьи на крѣпостный актъ и на гербовую бумагу прошенія. По сему началу никакая собственность не есть собственность (разумѣются недвижимыя имѣнія и весьма немногія изъ движимыхъ), никакое право не есть право, если они не очищены пошлинами: — *безъ пошлинъ владѣть недвижимымъ не велѣно.* Система укрѣпленія объемлетъ права не только тогда, когда они приходятъ въ движеніе поступкою, мѣною и т. п.; но даже и тогда, когда они совершенно покоятся. П. п. вы *старо* владѣете землею, послѣ отца, дѣда и прадѣда; вы можете называть ее собственностію, *стариною*, вѣчнымъ и потомственнымъ владѣніемъ, или иначе какъ; но если вы на это владѣніе не имѣете крѣпостнаго акта: то ваша собственность не болѣе, какъ владѣніе. Если первоначальное пятно пріобрѣтенія по причинѣ незапамятной давности изчезло изъ вашего сознанія; то вы отдадите крѣпостныя пошлины, и вамъ вручатъ крѣпостный актъ, писцовую, или межевую книгу, если это земля, и *данную*, если это городской домъ: ибо безъ крѣпостей владѣть не велѣно. Одна земская давность (со времени ея учрежденія) можетъ создать собственность, безъ очищенія ея пошлинами. Здѣсь копія съ судебнаго рѣшенія, вошедшаго въ законную силу, замѣняетъ крѣпостный актъ и избавляетъ отъ крѣпостныхъ пошлинъ. Крѣпостное начало юриспруденціи столь дѣятельно и столь точно, что, не смотря на безконечное разнообразіе Гражданскихъ обязательствъ, всѣ они носятъ опредѣленныя имена. У насъ нѣтъ безъименныхъ контрактовъ, какъ нѣкогда было у Римскихъ юристовъ. Государевъ вирникъ, или казначей этого не потерпитъ. Нѣтъ колебанія договора между двумя и тремя различными фигурами. Если вашъ договоръ купли и продажи заключаетъ въ себѣ рѣшительное условіе (conditio resolutoria); то вы называйте ее не купчею крѣпостью, а запродажною записью, и тогда вы избавлены отъ взноса крѣпостныхъ пошлинъ. Заемъ можетъ быть только заемъ, а не поклажа. Наемъ на 13, 35, 50 лѣтъ, будетъ уже купля и продажа, а не наемъ и т. п. — Крѣпостный

духъ не терпитъ ничего безъимяннаго, ничего сложнаго въ существѣ договора. По сему юриспруденцъ, чтобы составить систему Вещнаго права въ духѣ Русскаго Законодательства, обязанъ принять крѣпостное начало за основаніе дѣленія, и изложить ученіе о Гражданскомъ правѣ въ слѣдующемъ порядкѣ. *Ученіе о правахъ имущественныхъ*, а) укрѣпляемыхъ крѣпостнымъ порядкомъ, т. е. очищаемыхъ крѣпостными пошлинами, b) о правахъ, укрѣпляемыхъ явочнымъ порядкомъ, или очищаемыхъ явочными (при Петрѣ I мъ), а нынѣ гербовыми пошлинами, наконецъ с) о правахъ укрѣпляемыхъ челобитенными пошлинами (Ук. 1723 Нояб. 5.). Первый разрядъ вещныхъ правъ называется у насъ *крѣпостнымъ, или вотчиннымъ правомъ*; второй розрядъ по Уложенію слѣдовало бы назвать также крѣпостнымъ правомъ, но теперь мы должны называть его *исковымъ* правомъ, соотвѣтствующимъ Римскому *jus ad rem*; наконецъ третій разрядъ правъ, образуемыхъ нашимъ или чужимъ дѣйствіемъ, дозволеннымъ или недозволеннымъ, укрѣпляется взносомъ челобитенныхъ и гербовыхъ пошлинъ, и потомъ изслѣдованіемъ суда, *судомъ*, *розыскомъ* (старожильцами, показаніемъ свидѣтелей и т. п.). Его должно назвать также *исковымъ* правомъ. Если смотрѣть на сіи крѣпостныя дѣла со стороны судопроизводства, то ихъ должно назвать судебными доказательствами имущественныхъ правъ, и въ этомъ отношеніи они чрезвычайно облегчаютъ самые процессы; но они введены не для доказательства: прямая цѣль ихъ собираніе пошлинъ. Поэтому у насъ крѣпостный актъ и судебное доказательство не одно и то же. Можно имѣть всѣ доказательства на своей сторонѣ и потерять гражданскій искъ противъ крѣпостнаго акта. Разница между укрѣпленіемъ и доказательствомъ всего явственнѣе обозначена въ слѣдующемъ положеніи Новоуказныхъ статей: „*въ крѣпостныхъ дѣлахъ* (судить) *по крѣпостямъ*, *а въ некрѣпостныхъ по розыску* (т. е. по доказательству)." Наше древнее Законодательство строжайше формально (qui virgula cadit, causa cadit).

Не смотря на то, что Уложеніе имѣетъ характеръ Судебника, и что казенное начало господствуетъ въ Гражданской его части, нѣкоторыя права приняли довольно сильное развитіе. Я говорю о порядкѣ наслѣдованія. Хотя въ періодѣ Уложенія *родовая собственность*, издревле охраняемая обычаемъ отъ владѣльческаго произвола, была господствующею, и законный порядокъ наслѣдованія составлялъ правило; однакожъ мы видимъ, что въ тѣ времена употреблялись весьма часто и *завѣщанія*. Сего тре-

бовало неограниченное право собственности *въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ*. Но и кромѣ сего даже законное наслѣдство въ духѣ древняго времени передавалось большею частію по завѣщаніямъ. Какая же этому причина? — Наши древнія завѣщанія Греческаго происхожденія и первоначально имѣли болѣе нравственный, чѣмъ юридическій характеръ. Самое названіе — *духовная*, или *душевная память*—показываетъ, что они совершались всегда на смертномъ одрѣ; а необходимое участіе *душеприкащика* въ исполненіи завѣщанія, объясняетъ, что первоначальныя завѣщанія относились прямо къ душѣ, и косвенно къ имуществу умирающаго. Умирающій *приказывалъ* свою душу, устроивалъ будущую судьбу ея: почему всѣ древнія завѣщанія наполнены убѣжденіями завѣщателя *помнить душу, списать ее въ синодики, кормы кормить по трижды въ годъ и болѣе (кормить нищихъ и поповъ), и совершать сорокочетье (сорокоустъ)*. Далѣе слѣдуютъ дружескія наставленія и утѣшенія женѣ, отеческія приказанія дѣтямъ, очищеніе долговъ, „*кому мнѣ что̀ дать и на комъ мнѣ что̀ взять*;“ и наконецъ уже распоряженіе объ имуществѣ. Слѣд. юридическая часть составляла только случайную принадлежность завѣщанія. Форма завѣщанія по Уложенію та же самая, какая соблюдалась у насъ въ первыя времена Христіанства, т. е. Византійская. Она оставалась безъ дальнѣйшаго опредѣленія. И въ самомъ Уложеніи весьма ощутительенъ недостатокъ законныхъ правилъ, коими должно руководствоваться въ истолкованіи воли завѣщателя, часто весьма темной и неопредѣленной. Большая часть нашихъ тяжбъ возникаетъ изъ завѣщаній, которыя всегда пишутся не-юристами, притомъ же умирающими.

Въ Уложеніи и въ особенности въ Новоуказныхъ статьяхъ гораздо больше раскрытъ порядокъ *законнаго наслѣдованія*, и въ этомъ отношеніи оно далеко превзошло Судебникъ Іоанна Грознаго. Здѣсь просто сказано: „отдать дѣтямъ, а не будетъ дѣтей, въ родъ, кто ближе того роду.“ Безъ сомнѣнія, обычай и юриспруденція восполняли неопредѣленность Закона. Но Царь Алексій Михайловичъ, ища во всемъ своего *Государева Государства*, не могъ оставить безъ особеннаго вниманія сію важную часть Законодательства. Онъ принялъ положеніе Судебника и развилъ его со всѣми противорѣчіями, со всею непослѣдовательностію, которая характеризуетъ переломъ Законодательства, переходъ его отъ одного періода къ другому. Какъ въ Государственномъ правѣ сего періода ведется еще старый удѣльный духъ управленія и службы, такъ и въ

наслѣдованіи происходитъ борьба древняго родоваго начала съ новымъ, свободнымъ началомъ. Я не намѣренъ здѣсь входить въ подробности этой борьбы; но почитаю обязанностію покрайней мѣрѣ описать характеръ противниковъ. Древній порядокъ наслѣдованія, по преобладанію родовыхъ имуществъ, былъ отчинный, т. е. имущество по смерти владѣльца переходило къ ближайшему въ родѣ; но какъ родовое имущество въ строгомъ смыслѣ принадлежало въ собственность не члену рода, не временному владѣльцу, а первому пріобрѣтателю, родоначальнику: то ближайшимъ въ родѣ почитался тотъ, кто степенями родства стоялъ ближе къ родоначальнику. Въ слѣдствіе сего родовое имѣніе по смерти владѣльца поступало не къ сыну, а къ брату умершаго, какъ старшему въ родѣ: ибо *онъ* (былъ) *ближе того роду*. Вотъ чистая форма древняго наслѣдованія въ родовомъ, форма правильная, совершенно сообразная съ существомъ родовыхъ имуществъ! Само собою явствуетъ, что она могла сохранить свою чистоту только между удѣльными Князьями, и другими знатными родами; — ибо безъ длинныхъ родословныхъ, восходящихъ отъ послѣдняго отчича къ родоначальнику, опредѣлить, кто старшій и кто ближе того роду, совершенно не возможно. Притомъ въ родовомъ имуществѣ частнаго владѣнія пожизненный отчичь дѣлалъ улучшенія, прибавленія, кои значительно возвышали цѣнность, и тѣмъ сближали его съ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ; а посему и чистая форма древняго наслѣдованія уже сама въ себѣ заключала причину своего паденія. Соперникомъ родовому началу является порядокъ наслѣдованія въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ. Благопріобрѣтенное принадлежитъ не роду, а лицу владѣльца. Онъ воленъ располагать имъ по произволу при жизни и на случай смерти, или передать наслѣднику безъ завѣщанія. Въ послѣднемъ случаѣ ближайшими были сыновья съ ихъ исходящими. Мы видѣли, какъ отчинное начало было ограничено въ правѣ Государственномъ: по аналогіи того же должно ожидать и въ правѣ частномъ; но здѣсь происходитъ капитуляція, по коей оба начала теряютъ свою первоначальную чистоту, и неизбѣжно производятъ непослѣдовательность въ правѣ. По Уложенію въ родовомъ имѣніи является наслѣдникомъ сынъ, а не братъ, — вотъ первое отступленіе отъ древняго порядка! Но въ тоже время Уложеніе выдерживаетъ древнее начало родоваго порядка, и отказывается отъ начала свободнаго. Если братъ умеръ бездѣтенъ, и послѣ него остались братъ и сестра: то *сестра при братѣ не вотчинница*. Это въ духѣ древняго порядка, и весьма послѣдовательно: — ибо женщины выходятъ изъ роду. Но если осталась послѣ умершаго сестра, да другаго умершаго брата дочь, то комужъ изъ нихъ от-

дать преимущество? — По началу родовому должна наслѣдовать сестра, какъ старшая въ родѣ; а по началу свободной собственности (по предпочтенію) дочь. Что жъ дѣлаетъ Уложеніе и Новоуказныя статьи? — Онѣ угождаютъ обоимъ враждующимъ началамъ, и отдаютъ наслѣдство тёткѣ съ племянницей пополамъ! Такое ложное положеніе юриспруденціи не могло долго существовать. Одно начало должно было уступить другому, и вотъ уже позднѣйшія Новоуказныя статьи рѣшительно на сторонѣ свободной собственности! Право заступленія, или представленія въ родовомъ наслѣдованіи почти утвердилось.

Мы сказали выше, что родовое начало съ благопріобрѣтеннымъ сблизилось; и такъ что жъ въ благопріобрѣтенномъ есть родоваго? — Когда мы называемъ имѣніе благопріобрѣтеннымъ, то здѣсь должно входить не понятіе рода, а понятіе личности — близость родства не къ первому родоначальнику, а къ послѣднему владѣльцу. Слѣд. здѣсь нѣтъ никакой надобности отличать сына отъ дочери, и отдавать преимущество первому. Здѣсь неумѣстно требованіе родичей, чтобъ имѣніе не выходило изъ рода, ибо оно никогда ему не принадлежало. Не смотря на то Уложеніе и Новоуказныя статьи ровняютъ благопріобрѣтенное съ родовымъ и говорятъ: *сестра при братѣ не вотчинница*. Можетъ быть, это положеніе не противно было бы общему духу древности, когда женщины не имѣли надобности въ приданомъ, и когда ихъ самихъ покупали и продавали; но въ періодѣ Уложенія жены не только не покупались, но и сами получали отъ отцовъ приданое, и даже замужнія дочери наслѣдовали въ родовомъ имуществѣ послѣ отцовъ, когда не было братьевъ и т. д. Еще непослѣдовательность въ Уложеніи — всякое наслѣдованное по закону имѣніе называется родовымъ безъ изъятія. — Конечно, оно родовое въ лицѣ наслѣдника и его исходящихъ; но относительно второй, третьей и т. д. боковыхъ линій, относительно дядей, двоюродныхъ дѣдовъ съ ихъ исходящими, можно ли назвать его родовымъ, когда оно появилось въ томъ родѣ не болѣе 50 лѣтъ или еще менѣе? — Ясно, что въ понятіе родовыхъ и потомъ благопріобрѣтенныхъ имѣній частнаго владѣнія вмѣшалось удѣльное Княжеское понятіе о достояніи Рюрикова дома. Долго не установились эти понятія въ нашемъ Законодательствѣ. Между тѣмъ какъ Дьяки усердно отыскивали общее начало для соглашенія противорѣчій въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, наступилъ общій переворотъ Законодательства. Указъ 1714 г. Марта 25 уничтожилъ весь древній порядокъ наслѣдованія. Но

какъ это нарушило миръ семействъ и произвело юридическое неустройство: то Верховная власть отставила нововведеніе и возстановила порядокъ наслѣдованія по Уложенію.

Семейственный періодъ общества еще менѣе благопріятствуетъ развитію *Права обязательствъ*. Здѣсь господствуетъ родовый характеръ собственности: слѣд. недвижимыя имущества совершенно изъемлются изъ оборота. Если же родъ и дѣлаетъ иногда снисхожденіе къ временному владѣльцу, позволяетъ ему продавать родовое имѣніе; то и въ этомъ случаѣ покупщикъ долженъ ждать сорокъ лѣтъ, пока навсегда утвердится за нимъ право собственности. При томъ право обязательствъ, по своей неосязаемости и безконечному разнообразію, обыкновенно долѣе всѣхъ другихъ держится въ формѣ обычаевъ. Въ послѣдствіи времени, при развитіи государства, законодатели начинаютъ обращать вниманіе на частныя отношенія, на обязательства, договоры; но тогда разсматривается только внѣшняя сторона сего права, сторона финансовая, а не внутренняя — матеріальная. Впрочемъ и этотъ взглядъ Царскихъ казначеевъ заслуживаетъ признательность юриста: ибо безъ системы укрѣпленій, безъ пошлиннаго сбора, мы до сихъ поръ не имѣли бы ничего положительнаго по предмету частныхъ договоровъ. Финансовая юриспруденція даетъ имена договорамъ и твердыя формы для постепеннаго наполненія ихъ содержаніемъ; по крайней мѣрѣ она указываетъ мѣста, куда можемъ складывать нашу юридическую добычу. Говоря объ Уложеніи, не можемъ утверждать, чтобъ оно оставило эту часть Гражданскаго права безъ всякаго вниманія: — оно приняло нѣсколько положеній сего рода даже изъ Литовскаго Статута; но вся эта положительность объемлетъ небольшую долю обширнаго обычнаго права, которое мы видимъ въ ежедневныхъ договорахъ семнадцатаго вѣка. Во всѣхъ ихъ замѣчаются одни и тѣ же понятія о сущности обязательствъ, одни и тѣ же выраженія. Казалось, обычай созрѣлъ для законной положительности, особенно при посредствѣ маклерства, которое въ періодѣ Уложенія существовало не только въ городахъ, но и въ селахъ и деревняхъ, и на торжкахъ; но Уложеніе не приняло обычая въ составъ Законодательства. При Петрѣ Великомъ упраздненіе сельскаго маклерства повергло простонародную юриспруденцію въ бо́льшую неопредѣленность. Для простаго народа легче было рисковать своими правами, нежели предавать судьбу договора затѣйливому смыслу подьячихъ, тратиться на гербовую бумагу и ѣхать за нѣсколько верстъ въ крѣпостную экспедицію. Отсюда образова-

лось явное нерасположеніе къ маклерскому свидѣтельству, колебаніе народнаго кредита: ибо открылась возможность погашать долги безъ платежа денегъ.

Въ то время, какъ казначейская юриспруденція держала въ строгомъ формализмѣ общія Гражданскія права, въ частной жизни появилась новая юриспруденція, таможенная, объемлющая сферу свободнаго движенія имуществъ. Торговля вездѣ не терпѣла строгаго формализма: а крѣпостное начало останавливаетъ, задерживаетъ ея свободное движеніе Тамъ, гдѣ думали подвергнуть ее медленному ходу гражданскихъ тяжбъ, или подчинить финансовому началу, она не слушалась законовъ, укрѣпляла права на *вѣрѣ и честномъ словѣ* договаривающихся, и возстановляла ихъ скорымъ процессомъ третейскаго суда. Еще въ классическомъ мірѣ Грековъ и Римлянъ замѣчено, что торговое лице выходитъ изъ обыкновеннаго ряда частныхъ лицъ, и если оно не совершенно публичнаго характера, то покрайней мѣрѣ близко къ сему состоянію. Древнее Аѳинское и Римское законодательства сообщаютъ ему право быть маклеромъ самого себя, вѣритъ его *домашнимъ торговымъ книгамъ* (rationes domesticae), какъ будто бы онѣ были протоколъ присутственнаго мѣста, и на судѣ считаютъ ихъ за полудоказательство противъ посторонихъ лицъ. — Торговое лице (argentarius) пріобрѣтаетъ сіе преимущество дознанною во многихъ случаяхъ честностію, образованіемъ и вообще нравственнымъ характеромъ. У насъ въ Россіи до Петра Великаго торговыя лица *по праву* не пользовались преимуществами полупубличныхъ лицъ; но укрѣпленіе правъ *честнымъ словомъ* весьма извѣстно до Уложенія и въ самомъ періодѣ Уложенія. Посему для торговыхъ людей во всѣхъ большихъ городахъ при таможняхъ существовалъ особый торговый судъ, который назывался тогда *Таможеннымъ судомъ*, гдѣ тяжбы рѣшаемы были словесно, и требовались отъ тяжущихся не крѣпости, а просто доказательства къ утвержденію или опроверженію правъ. Въ царствованіе Петра Великаго и эту свободную юриспруденцію хотѣли подчинить крѣпостному началу; но она выждала время, и свергла съ себя безполезное иго. Въ царствованіе Екатерины I, по ходатайству Главнаго Магистрата, торговлѣ возвращена прежняя свобода, которою она и до сихъ поръ непарушимо пользуется.

Въ Судопроизводствѣ Гражданскомъ еще виднѣе древній финансовый духъ правосудія: каждый шагъ въ присутствіе суда былъ купленъ

цѣною денегъ; но за то судъ вознаграждалъ тяжущихся чистою народностію права. Въ самомъ періодѣ Уложенія, покрайней мѣрѣ въ областныхъ судахъ, настоящими творцами права были цѣловальники; а Судья завѣдывалъ порядкомъ судопроизводства, и судебному рѣшенію сообщалъ силу закона (iuris dictio) и сбиралъ пошлины. „*А судья за нимъ идётъ, своего прибытка смотритъ.*“ Въ періодѣ Уложенія сохранился характеръ древняго процесса. Онъ отличался строгостію къ отвѣтчику, и къ самому истцу, если онъ волочилъ дѣло или затѣялъ не правый искъ: ибо древній Гражданскій процессъ почти всегда вчинался на вора или на самовольнаго владѣльца, какъ то доказываютъ древнія судныя граматы. Этотъ знаменитый процессъ уничтоженъ Петромъ Великимъ, единственно потому, что здѣсь требовались *очныя ставки* тяжущихся, и брали въ судѣ сильное участіе *адвокаты* (стряпчіе). Изъ этого видно, что древній Гражданскій процессъ имѣлъ всѣ качества частнаго процесса: вся работа суда принадлежала сидящимъ на судѣ цѣловальникамъ, и вся тяжесть *доводовъ* падала на самихъ тяжущихся или ихъ повѣренныхъ; а судья съ казначейскимъ равнодушіемъ сидѣлъ, и только своего прибытка смотрѣлъ. Какой же характеръ сообщенъ Гражданскому процессу при Петрѣ Великомъ? — Безъ сомнѣнія, противоположный древнему, характеръ инквизиціонный, слѣдственный, гдѣ адвокаты не значатъ ничего, гдѣ вся тяжесть суда падаетъ на судей, и самое бремя доводовъ возлагается на ихъ отвѣтственность. Таковая форма процесса сообщила судьѣ сугубый характеръ — судьи и адвоката, и присутствіе цѣловальниковъ сдѣлала вовсе не нужнымъ. Но наши дьяки, привыкши къ древнему порядку, затруднялись формами новаго процесса, и потому самъ Петръ Великій принужденъ былъ возстановить древнюю форму суда Указомъ 1723 г. Ноября 5 дня. Сей порядокъ суда донынѣ зовутъ „*судомъ по формѣ.*“

Уголовное Право. Предѣлы слова моего не позволяютъ мнѣ входить во всѣ подробности Законодательства, дѣйствовавшаго въ періодѣ Уложенія; но и общій взглядъ, мною предложенный, надѣюсь, сообщитъ понятіе о томъ, что Уложеніе съ послѣдующими законами составляетъ законодательство въ высшей степени народное. Образованіе Верховной Власти и Государственныхъ учрежденій, народныхъ состояній и Гражданскихъ законовъ, — всё безъ изъятія дано прошедшею жизнію народа Каждое учрежденіе можно возвести за шесть сотъ лѣтъ исторіи, видѣть его въ самомъ зачаткѣ и потомъ въ окончательномъ его образованіи. Въ домашнемъ быту Русскаго селянина можно изучить въ маломъ видѣ всѣ основныя идеи, всѣ обычаи,

весь процессъ Государственной жизни, принятый Уложеніемъ. А народность законовъ не есть ли первое условіе ихъ дѣйствительности! Законъ останется ли не исполненнымъ, когда ему сочувствуетъ совѣсть народа, когда онъ возросъ, такъ сказать, изъ народнаго духа, изъ народныхъ убѣжденій? Народность отнимаетъ у него тяжесть и жесткость, уподобляетъ его бремени нашего собственнаго тѣла, которое мы носимъ, не чувствуя никакой тягости. Послѣ этого нужны ли понудительныя средства къ исполненію закона, нужны ли угрозы, казни и наказанія противъ тѣхъ, кому предназначено исполнять законъ? Казалось, не было надобности возмущать чувство гражданина внушеніями, недостойными высокой человѣческой природы! Но отъ чего же общественный порядокъ, воздвигнутый Уложеніемъ, огражденъ грозными уголовными законами? Отъ чего домъ правосудія убранъ всею уголовной армашурой временъ свирѣпаго закона (carmen horrendum)? — Если Драконъ пишетъ кровавые законы для Аттики, если *желѣзная рука Нормана* сокрушаетъ бедра селянину за оскорбленіе пса, принадлежащаго къ Королевскому двору: то мы понимаемъ здѣсь мысль законодателя. Но Уложеніе, мы знаемъ, диктовано Государемъ, который оставилъ по себѣ память Государя милосердаго и мудраго, слушано и одобрено представителями того народа, для котораго оно составлено. Отъ чего же оно такъ строго въ наказаніяхъ, такъ безжалостно въ истязаніи совѣсти подсудимаго? — Прежде, чѣмъ будемъ судить о строгости Уложенія, мы должны освѣдомиться, что̀ за народъ были наши предки, и что̀ сдѣлала изъ нихъ Исторія. — Они были Славяне. При этомъ имени мгновенно пробуждается мысль о мирной, патріархальной жизни золотаго вѣка, о гостепріимствѣ и искреннемъ радушіи варвара. По крайней мѣрѣ такъ мы привыкли смотрѣть на нравы древнихъ Славянъ. Но если приведемъ себѣ на память, что мы по Новугороду, Пскову и Полотску состоимъ въ близкомъ родствѣ съ Славянами Багріи, Рюгена и Пруссіи: то наше обольщеніе необходимо должно изчезнуть. Багрія и Рюгенъ оставили по себѣ страшную память въ лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ. Это была земля пустынь и ужасовъ, земля обитаемая людоядными богами, земля крови и грабежей! И чтожъ была Русская земля до пришествія Варяговъ-Руси, до временъ историческихъ, и потомъ до появленія царства Московскаго? — Она составляла особую часть свѣта; она была Америкою для древней Греціи и Рима, и для западной Европы новыхъ временъ; она была убѣжищемъ Европейскихъ изгнанниковъ и бродягъ. И потомъ, какое воспитаніе могли намъ дать

рожденные для кнута и плетей Татарскіе Баскаки; что́ пріобрѣло Русское человѣчество отъ удѣльныхъ мужусобій, что́ сдѣлали для Россіи ея сосѣди, безгосударные Поляки и неправославные Нѣмецкіе либералы? — Если самъ Іоаннъ Грозный *непригоже* отзывался о честности Русскихъ купцовъ; если Петръ Великій жалѣлъ о Жидахъ, которые просили у него позволенія торговать въ Москвѣ; если лучшіе люди Петра Великаго были обличены въ лихоимствѣ и въ хищеніи казны: то что̀ мы должны думать о нравственномъ состояніи Россіянъ послѣ временъ междуцарствія? Какую душу они вынесли изъ этой губительной эпохи народной исторіи? — Грабежъ и воровство, криводушество и душевредство, измѣна Государю и Отечеству, дикій либерализмъ и изувѣрство, вотъ зло, которымъ страдала Россія по вѣрнымъ извѣстіямъ сего времени. — Цари Михаилъ Ѳедоровичь, Алексѣй Михайловичь положили изкоренить его, и дѣйствовали сильными средствами: кнутомъ, желѣзомъ и огнемъ. Страшенъ былъ судъ Уложенія по преступленіямъ частнымъ, и еще страшнѣе по преступленіямъ Государственнымъ. Земскій грабитель, воръ и мошенникъ, изплазуемый въ Губной избѣ, еще могъ подвигнуть къ состраданію суровую душу своего собрата-цѣловальника; но преступникъ, подсудный Преображенскому приказу, напрасно оглушалъ своими воплями хладныя стѣны тюрьмы. Никто ему не внималъ.

Переворотъ Законодательства.

Я сказалъ всё, что̀ было достопримѣчательнаго въ періодѣ Уложенія. Безъ сомнѣнія, умы глубокіе настоящаго времени увидятъ въ немъ гораздо болѣе, нежели мы, а потомки наши и еще болѣе: ибо каждый вѣкъ приноситъ съ собою новый взглядъ на человѣка и Государство. Но то, что̀ мы видѣли, какія судьбы приготовляло въ будущемъ? — Какія надежды подавало Россіи Уложеніе? — Ничего печальнаго, ничего безнадежнаго. Законы были не многочисленны, но́ тверды въ основаніяхъ: ибо въ нихъ выразилась древняя Русская душа, древняя Русская правда. Доброта ихъ слишкомъ извѣдана на дѣлѣ; она испытана въ тяжкихъ переворотахъ исторіи. Каждое удержанное начало проведено невредимо чрезъ всѣ событія, очищено вѣковымъ бореніемъ всѣхъ стихій Русскаго Государства. Все случайное, всё тлѣнное извержено, упразднено. Все священное, все завѣтное Россіи осталось неприкосновеннымъ. Такъ неограниченная власть Царя — она была чаяніемъ всей нашей Исторіи,

жизненнымъ духомъ Русскаго народа. — Одна минута ея отсутствія повергла въ ничтожество дѣло вѣковъ, племена и Царство,—и безпредѣльная преданность Россіи оправдалась. Царская власть забросила въ пустыни Азіи Имперію Монголовъ, создала правительство, начертала законы, утвердила на вѣчныхъ основаніяхъ самобытность и благоденствіе Россіи. Таковы и всѣ другія начала Уложенія! Оно очистило Русскую землю отъ душегубства, разбоевъ и грабежей, оградило собственность гражданина, и вызвало къ жизни трудъ, ремесла и торговлю. Внѣшняя одежда законовъ могла вѣшшать; но духъ жизни, который проникалъ ихъ существо, обѣщалъ имъ безконечное обновленіе и усовершенствованіе. Чегожь еще желать отъ Уложенія и его потомства? — Иль оставались позорные слѣды нашихъ бѣдствій въ нравахъ народа? Иль недоставало Христіанскаго просвѣщенія, истиннаго благочестія, любви къ ближнему? — Но еще Іоаннъ Грозный созналъ, что Россіи нуженъ нравственный переворотъ, и царски повелѣлъ властямъ церкви *греметь словомъ Божіимъ, чтобъ жива была душа Царя* и душа его народа. — Еще Царь Алексѣй Михайловичь позналъ цѣну истиннаго просвѣщенія, вкусилъ его съ благородными сынами своего Царственнаго дома, и предъ лицемъ Церкви и Вселенскихъ Патріарховъ отрекся отъ древняго невѣжества и всѣхъ дѣлъ его—отрекся за себя и за Россію; а юная, благородная рука Θеодора насадила первый виноградъ нашего просвѣщенія. Чегожь недоставало Русскому народу? —

Преобразованія! — Его недоставало для Семнадцатаго вѣка! Явился Царь съ горящей мыслію въ очахъ, съ отважной думой на челѣ и съ громоноснымъ словомъ власти! Онъ страшный кинулъ взоръ на Царствующій градъ, сурово посмотрѣлъ на даль прошедшаго — и двинулъ Царство отъ него.—Что жь не понравилось ему въ наслѣдіи предковъ?—Что̀ возмутило духъ Петра въ твореніи его отцовъ?—Но это тайна души Великой, глубокая тайна генія! Мы видѣли только внѣшнее этого духа, который, какъ грозовое облако, прошелъ надъ Русскою землею. Мы видѣли, какъ онъ сочувствовалъ Іоанну Грозному, какъ благоговѣлъ предъ кардиналомъ Ришельё, какъ не терпѣлъ Византійскаго Двора, его роскошества и лѣни, его ханжей и лицемѣровъ. Такое грозное соединеніе стихій въ душѣ смертнаго, рожденнаго повелѣвать и царствовать! И къ этому огненному началу нравственной его жизни присоединилось глубочайшее сознаніе собственныхъ силъ.... Посланникъ Неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій! Въ ка-

комъ бы онъ вѣкѣ ни родился, въ какомъ бы народѣ ни воспитался, онъ всегда и вездѣ былъ бы преобразователемъ. Это его природа! Еслибъ онъ былъ современникомъ древнему Язону: его постиглабъ участь Божественнаго Иракла. Онъ былъ бы слишкомъ тяжелъ для легкой Греческой армады. Но провидѣніе знало, гдѣ произвести на свѣтъ необычайнаго смертнаго. Только Русскій корабль могъ сдержать такаго страшнаго пассажира! Только Русское море могло носить на хребтѣ своемъ столь отважнаго мореходца! Только Россія могла не треснуть отъ этого духа, который напрягалъ ее, чтобъ уровнять ея силы съ своею исполинскою мощію! Дивное явленіе! Отъ сложенія міра не бывало такого Государя! Говорятъ, что крутость его ума и воли происходила отъ того, что онъ не получилъ надлежащаго воспитанія; но, Боже мой! какая наука могла огранить эту адамантовую душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимыя нервы ума, эти желѣзныя мышцы воли? Если природа должна была уступать ему, то чтожъ могла сдѣлать изъ него наука? Какой Нѣмецъ могъ быть ему дѣтоводцемъ, какой Французъ учителемъ? И природа и наука отступились, — когда этотъ великій духъ помчалъ Русскую жизнь по открытому морю всемірной исторіи! — Петръ Великій не вѣрилъ слабостямъ человѣческой природы; только на смертномъ одрѣ почувствовалъ, что и онъ смертный: *„изъ меня можно познать, сколь бѣдное твореніе есть человѣкъ,“* произнесъ онъ въ смертныхъ страданіяхъ! — Таковъ былъ Петръ Великій! Ему нужно было совершить преобразованіе. И какое преобразованіе! Отъ конечностей тѣла до послѣдняго убѣжища человѣческой мысли! Онъ бритвой брѣетъ бороды, и топоромъ рубитъ невѣжество. Тысячи Стрѣлецкихъ головъ падаютъ на Преображенскомъ полѣ! Ни даже крестный ходъ Царствующаго града не могъ смягчить его правосудія!

Преобразователь въ теченіе всей своей жизни хранилъ въ себѣ тайное сознаніе, что не одно рожденіе возвело его на престолъ; но Сила Высшая призвала его царствовать надъ народами! Онъ чувствовалъ, что не кровь, а духъ долженъ ему преемствовать. Онъ отвергъ сына и возжелалъ оставить по себѣ *достойнѣйшаго*. Но великій человѣкъ не пріобщился нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы и плоть и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ; а мы родились и малы и худы — намъ нужны были общіе уставы человѣчества! Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство. Государева Боярская Дума должна была уступить мѣсто Сенату; областные приказы Ландратамъ и Ландрихтерамъ. Ему не нравились и наши цѣловальники, наши дьяки и подъячіе.

Онъ желалъ бы посадить на ихъ мѣсто плѣнныхъ Шведовъ, секретарей и шрейберовъ Цесарской службы. Ему не нравилось прошедшее Россіи. Но всѣ эти перемѣны ничто въ сравненіи съ преобразованіемъ Государственной службы. Самъ, начавъ ее съ солдата гвардіи, онъ прошёлъ медленно по лѣствицѣ подчиненія, и завѣщалъ ее своимъ подданнымъ. А что кормленье древнее, что Царскій хлѣбъ и соль? — Въ потѣ лица ѣли ихъ слуги Петра Великаго. Нигдѣ онъ не былъ такъ грозенъ своимъ правосудіемъ, какъ прошивъ даромъѣдовъ, мірскихъ съѣдухъ и казнокрадовъ. Не уважая частной собственности, когда думалъ объ отечествѣ, за каждую копѣйку, излишне взятую сборщикомъ податей, или переданную Коммиссіонеромъ шоргашу, онъ былъ неумолимъ для виновнаго.

Дворянство, мнѣ кажется, не поняло его великихъ намѣреній. Онъ отнялъ у казны милліоны помѣстныхъ душъ, и отдалъ въ вотчину владѣльцамъ. Но онъ зналъ, что вотчинное владѣніе помѣстьями повлечетъ за собою двадцать пять лѣтъ Государственной службы, и только раны, старость и природное *дурачество* (безуміе) могутъ уволить или вовсе избавить отъ него. Дворянство осмнатцатаго вѣка не поняло его и въ дѣлѣ просвѣщенія. Правда, онъ требовалъ отъ него знанія *Цифири и Геометріи немножко*, ссылалъ на тяжкія работы молодыхъ Боярчей, кои не хотѣли разстаться съ Славяно-Греко-Латинскою Академіею и вступить въ учрежденныя имъ *цифирныя школы*; но это не былъ законъ, а временное повелѣніе. Тогда отечество нуждалось въ офицерахъ флота и арміи. Петръ Великій ничего не хотѣлъ *немножко;* онъ требовалъ отъ Науки всѣхъ ея стяжаній, всѣхъ ея таинствъ и всѣхъ ея заслугъ. Всенародное, твердое просвѣщеніе — вотъ что̀ завѣщалъ намъ духъ Петра Великаго. „Любезные товарищи, говоритъ онъ своимъ подданнымъ,—теперь пришла и наша череда, если только вы захотите искренно и безпрекословно вспомоществовать намѣреніямъ моимъ.... я предчувствую, что Россіяне когда нибудь, а можетъ быть и при жизни моей, пристыдятъ самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ твердой и громкой славы.“

Великая душа! ты предчувствовала твердую и громкую славу Россіи. Вотъ она... ожидаетъ насъ при врашахъ безсмертія! Она готова вѣнчать созданную тобою Имперію. Всѣ славы древнія меркнутъ предъ ней.....

Наконецъ я къ Вамъ обращаю рѣчь мою, Гг. Кандидаты и Дѣйствительные Студенты Юридическаго Факультета. Вы знаете, что Нашъ АВГУСТѢЙШІЙ Законодатель требуетъ правосудія твердаго и нелицепріятнаго. Оправдайте Его Отеческія надежды. Будьте благодарны Наукѣ, которая васъ приготовила для служенія правосудному МОНАРХУ. Среди Вашихъ служебныхъ занятій, не забывайте объ ней; углубляйтесь въ дѣла минувшаго: — въ немъ таинственная сила юридическаго самопознанія. Когда же будете судьями, именемъ Науки совѣтую Вамъ вести памятныя вашихъ дѣлъ, записывать ваши мнѣнія и приговоры: это будетъ полезно для новыхъ поколѣній Университета, и еще болѣе — это будетъ книгою жизни для вашей совѣсти. Когда упомленные бременемъ жизни, падете на смертный одръ, она утѣшитъ васъ за ваши добрыя дѣла, иль страшно вспомянетъ вамъ слезы невиннаго, котораго вашъ судъ неправедно обрёкъ на погибель. И такъ, не угашайте огня, который Вы износите изъ сего Храма наукъ; спасайте его отъ всякаго духа нечистаго, во мракахъ проходящаго; блюдите его на дѣло истины и правды, да не опалитъ васъ этотъ небесный огонь, которымъ живутъ Царства и Всемірная Исторія.

De ratione observandi in arte medica ejusque adminiculis et obstaculis

---

ORATIO

QUAM

IN SOLEMNIBUS ANNIVERSARIIS

CAESAREAE

LITTERARUM UNIVERSITATIS MOSQUENSIS

HABUIT

Gregorius Sokolsky,

PATHOLOGIAE ET THERAPIAE PROFESSOR P. O., MEDICINAE DOCTOR.

D. X JUNII ANNI MDCCCXXXIX.

Quand il s'agit d'un essai pour contribuer au bonheur des hommes, on peut esperer de l'indulgence ; on doit même braver la critique et faire le sacrifice de son amour-propre à celui du bien public.

J. Sennebier, Idées sur l'inflammation des vegetaux, dans les observ. sur la Phys. par Rozier, Juin, 1781, p. 433.

AA. OO. HH.

Naturae scientia, qua vix quidquam animo humano dignius est, cuique nostrae etiam naturae cognitionem adnumerare solemus, principium profecto ab observatione duxit. Haec est, quae peperit et locupletavit artem salutarem. Ex innumeris medicorum scriptis et factis, quae ad nostram memoriam pervenerunt, modo ea ut pretiosissima artis monimenta tuemur, quae experimentis nituntur multiplicibus, propriisque auctorum periculis sunt comprobata. Quae vero a pseudo-magistris ingenii juvenilis obcoecandi aut gloriolae futilis quaerendae gratia in litterarum damnum finguntur et enarrantur, aut oblivioni tradita, aut, si a quibusdam coluntur, procul dubio ab iis potissimum, qui artem medicam, quum fabulis constare credant, a pravis recta discernere nequeunt. Serium medicinae studium et grave, saluti publicae fructuosum, nil aliud est, nisi naturae humanae interpretatio, ex observatione nata, experientia exculta et confirmata. Sic clinices praeceptor gnarus ad aegrotantium lectos juvenibus quid aliud ostendit, nisi, quae natura moliatur aut aversetur, ut sollertissime distinguant, atque secundum ea curationes suas instituant. Sanationem vero ipsam a natura proficisci, nemo amplius est, qui dubitet. Artis est, modo naturam vel imitari, vel adjuvare, vel alio modo ipsius votis obtemperare. Ejusmodi autem naturae nutus haud prius interpretari et comprehendere possumus, quam cum rite ac pie ejus leges observationis ope cognoverimus. Haec quodcunque medici coeptum et anteit et sequitur; sine cujus auxilio si quis ad curationis negotium se accingit, temere tantum agit et agyrtarum more caligat. Propterea „*artem medicam totam consistere in observatione*“, dixit quondam Baglivius.

Ex more antiquitus constituto ad Academiae solemnia anniversaria celebranda, meam nunc orationem ad vestrum, AA. HH., frequentissimum coetum convertere quum audeo, verba *de ratione observandi in medicina ejusque adminiculis et obstaculis* facturus, ut et in audiendo attentos, et in judicando benevolos vos mihi judices praestare velitis, oro atque obsecro. Ego vero operam dabo, ut, ne sim obscurus, genere dicendi utar simplicissimo, ac paene familiari.

In genere duplici modo observandi ars in medicina acquiritur, partim immediata naturae ad lectos aegrotorum consideratione, partim dum aliorum observationes perlegendo, perpendendo in usum proprium trahimus. Alter morborum imaginem exactissimam, descriptione nulla superandam, observatoris oculis praebet; alter, etiamsi alienus, tamen ad optima instructionis praesidia pertinet; non sufficit enim unius hominis vita ad conquirenda ea, quae viginti fere saeculorum spatio inde ab Hippocratis temporibus usque ad nostram aetatem in arte medica visa, facta et observata sunt. Quare quum medico utrumque aeque necessarium sit, de utroque nunc seorsim disseram.

Qui aliorum observata meditari vult, scriptorum *delectum* faciat, necesse est, neque omnibus, quae sub hoc nomine venditantur, facile se credulum praebeat. Quum enim in plerisque aliis, tum etiam in medicorum scriptis, multa occurrunt, quae humanam fallaciloquentiam produnt. Habeatur potius fides a) *iis, qui revera observaverant*, quod litteris mandarunt. Solet hoc nostris potissimum temporibus accidere, ut quidam parum accurati minimeque ad rem attenti, quae ab ipsis haud satis sint observata et enucleata, alios docere velint, quod procul dubio non generis humani emolumento fit, sed gloriolae aut lucri quaerendi gratia. Mirabitur forsan quis, medicorum quosdam ludificari in rebus gravissimis; sed quid est, quo homines non abutantur? — b) *Iis, qui recte observaverant*, quod litteris prodiderunt. Haud pauci ingenue quamvis et nobili can-

dore, quae ipsi observarunt, cum aliis communicant,. quae tamen observationes aut non recte institutae sunt, aut, quum ad rem, de qua agitur, parum pertineant, fortuita quaedam phaenomena offerunt, quae non ubique locorum aeque constantia comparent, atque sic artem observandi fabulis complent. Quibus mendis salutaris ars ubique scatet, praecipue si de pharmacorum efficacia specifica agitur, licet ars sanandi nihil exinde lucratur. Quod si singula, quae ab artis magistris promulgantur, aeque vera et proba essent, ars morborum cognoscendorum et sanandorum multum sane profecisset, dum medicina, remediorum divitiis tantis glorians, auxilii saepius egena est, id quod rationes medendi parum constantes, et scriptorum copia tanta, ut terrae superficiem obtegere sufficiat, sat abunde arguunt. c) *Iis, quorum observata omni partium studio libera sunt.* Virtute hac eximia veterum pauca, recentiorum pauciora scripta medica eminent. Nam pleraque scholarum figmentis saepe ad nauseam usque inquinata posteris traduntur. Mira certe est mentis, scholarum praejudiciis imbutae, pertinacia, qua qui obsessi sunt, plane aliis, quam ceteri, naturam oculis inspiciunt, et sic juventutem, illecebris facile cedentem, a recto tramite deflectunt.

Quae tanta studiorum medicinae impedimenta, in scriptis medicis obvia, vel ab initio orationis meae reticere nolui, praesertim quum nostra aetas in laudes multifarias tantopere prona sit, ut jam multorum aures, judicii impatientes, non nisi titulorum lenociniis oblectari soleant. Ut optimos, eruditos, de arte medica bene meritos, commendamus tironibus auctores: I. P. Frank, Vogel, Reil, Laënnec, Louis, Andral, Piorry, Chomel, Abercrombie, Monro, Rostan, Martinet, Lallemand, Albers, quorum scripta ad memoriam posteritatis remanebunt.

In genere autem praeferendos esse censemus monographos. Compendia, etiamsi juvenes eorum avidi sint, laudare haesitabo; doctrinam enim, raro exercitatione et usu confirmatam, saepius figmentis condeco-

ratam, longe lateque propagant. Praeterea brevitas compendiorum solennis obstaculo est, quominus morbus ex omni parte dilucide describatur, aut etiam recte descriptus ab aliis aequabiliter intelligatur, propter egestatem tum sermonis, tum argumenti. Descriptiones vero speciales, majore excellentes ambitu, morbos in variis eorum combinationibus, complicationibus, abnormitatibus exhibent, ac dicta delectu observationum, ad operis calcem annexarum, comprobant. In hoc scribendi genere postremo potissimum vicennio medici excelluerunt. In quo si ostentationi et mendacio locus quandoque non parvus relinquitur, saltem altera, quae restat, pars boni, in usum proprium trahenda et compendiariorum scriptis longe praeferenda. Neque propterea impendio multo, quo certe plerique medicorum destituuntur, opus esse credo, neque supellectilis litterariae copia, haud semper ad transportandum idonea, pertimescenda est, quum delectu scite facto, scriptorum pauca viliori pretio comparari possint. Majus, quantum scio, nostratibus impedimentum est in eo, quod monographiarum pleraeque exoticis linguis sunt scriptae, earumque paucae neque meliores in sermonem vernaculum translatae. Juvabit vero penuriam expedita celeritas et facilitas, qua juvenes nostrates soliti sunt linguas extraneas ediscere ac in proprium convertere usum.

Harum litterarum studia vel inter officii negotia medici facultates imprimis exacuunt, alunt, et, quod maximi est momenti, ad observationes majores et subtiliores instituendas animum impellunt. Propterea male ratiocinantur, qui, cum officio quolibet fungi incipiant, se jam ab omni studiorum genere immunes credunt, ac tempus inter quisquilias conterunt vecordes. Aliter cogitabant et agebant, qui artem factis et observatis pretiosissimis locupletarunt, etenim neminem e scholis doctum prodire, pro certo scimus.

Altera ratio observandi in medicina, AA. HH., efficitur ipsa aegrotantium ad lectos consideratione. Qua, ut in caeteris naturae studiis, me-

dicus nequaquam carere potest: haec est, quae omni tempore, ubique locorum, primum ac solidum artis salutaris fundamentum fuit atque erit: haec est, quam medici scholarum commentis, scriptis, effictis, ubique avide anteponunt et sectantur; haec est, sine qua medicus, quamquam in arte versatissimus, in observationis et curationis negotio flocci aestimandus. Illam enim magnam et multifariam doctrinam, scriptorum veterum et recentiorum assidua lectione acquisitam, quamvis dignis extulerimus laudibus, tamen ea sola non sufficiet, ut aliquis sine propria naturae observatione medicus evadat. Experientia eruditionem quoque adjuvat et adauget, ac expulsis disputationibus inutilibus, medicas theorias in rectam viam dirigit. Imo vel optima scripta ab inexperto, quin recte et utiliter aestimari possint, multum dubito. Etenim observationes ad naturam factae, judicium quoque postulant lectoris aeque in observatione versati, aut saltem ad observandum parati, hujusque rei cupidi.

Proinde non est argumentandum, futilem ac sterilem esse totam eruditionem medici, si modo rei totius cardo in experientia versatur. Quae opinio, quam longe a vero distet, agyrtarum examen probat. Hi in rebus saepe versatissimi, experientia ditissimi, ast doctrina parum vel prorsus non imbuti, rationem medendi perversam in hominum perniciem exercent, imo, quod mirum, funeribus crebris non edocti, per longam annorum seriem ne pilo quidem sapientiores fiunt. Accedunt arrogantia, opulentia, innovationis fastidium, quibus ad canitiem reluctantur. Pariter aegrotorum curatrices, vitam fere dimidiam circa cubilia conterentes, artem tamen non ediscunt. Haec satis testantur, experientiam quoque ipsam, si doctrinae lumine non collustretur, ducem esse non fidam, neque veram.

Propterea me operae pretium facturum credo, si nunc de recta observandi ratione, qua duce experientia prudentior nanciscitur, paucis disseram.

Hic potissimum considerandae veniunt *Facultas, Occasio* et *Methodus* observationis.

Facultas observandi major in juvenibus est, sensibus integris ac mente, praejudiciis non depravata. Qui jam aetate matura ad observationis opus accedunt, ob vim sensuum hebetatam, eadem difficilius minusque exacte consequuntur. Praeprimis autem necesse est, ut observator *veritatis* studiosus sit, ac in morbis observandis non ea perquirat, quae e scholarum placitis adesse debent, sed quae in rerum natura pro certo existunt. Difficile quandoque tironibus, at nobile et utile negotium est, ut jugo scholarum se exuant, quod menti firmissime adhaeret, et quid moliatur, aut quid aversetur natura, proprio Marte invenire et discernere condiscant. Huic rei summa animi tranquillitate, aequabilitate et constantia opus est. Qui modo ex officio, ut ajunt, aegrotos visitat, mox ad negotia alia properaturus, nec sibi, nec aliis prodest. Pariter tirones, qui in nosocomiis quotidie horam unam vel alteram praecipue in formulis transcribendis transigunt, vix in labore suo multum proficient. Verum quidem est, formulam apte concinnatam argumentum non fallax sistere scientiae medicae, sed qui propterea studia sua formulis compilandis inchoanda credant, egregie falluntur.

Ceterum tristis medicorum sors saepe in causa est, ut qui, posthabitis omnibus, ea modo respiciant, quae praxin medicam apprime spectant.

Occasio observandi frequentior in nosocomiis est, in quibus morbi ejusdem exemplaria plura quandoque simul occurrunt, id quod cogitationem medici optime exercet. Privatam praxin tironibus minus commendamus. Offendunt hic medicum multa, quae tum ab adstantibus proficisci solent, qui saepius inconsulta flagitant, vel aegrotum curare nesciunt noluntve; tum ab ipsis aegrotantibus, quorum placita saepe infinita, obedientia rara, patientia pauca. Denique mortui sectio, medico utilissima, ceteris utplurimum invisa est.

Quod nosocomiorum delectum attinet, quodcunque adeas, perinde est; etenim morborum forma, exceptis paucis, ubique eadem occurrit, quomodocunque pathologi de discrimine morborum fabulantur. In genere autem Parisiensia ceteris praeferenda esse censemus, tum quod hic aegritudinibus specialibus nosocomia tota dicata invenies (hôpital des enfans, des veneriens, des herpetiques), tum quod hic aditus omnibus liber pateat, nullo constituto pretio.

Observandi quidem morbi absque discrimine omnes, ac potissimum solemnes, saepiusque occurrentes. Inconsulte faciunt, qui modo casus rariores, monstruosos, se observasse jactant, ceteris vilipensis.

Ne nimius aegrotorum numerus in nosocomiis mentem juvenum conturbet, bene faciunt Berolinenses et Vindobonenses praeceptores, qui, delectu scite instituto, aegrotos paucos in conclavi separato collocant, ibique scholas clinicas aperiunt. Haec docendi et discendi ratio, propter aegrotorum procurandorum copiam et celeritatem, semper mihi optima est visa, si modo omnis tollitur inter nosocomiorum et scholarum duces discordia.

Ceterum vel optima nosocomia et clinica parum prosunt, si praeceptore carent, rei suae gnaro. In arte observandi et curandi duce certo quantum opus sit, non est quod multis coram vobis ostendam. Methodus in demonstratione, principia in doctrina, eruditio in explicatione, experientia in curatione, praeceptorem clinicum ab aliis distinguere debent. Atqui tantorum virorum quam parum ferax est aetas nostra! In scholis Vindobonensibus, magistrorum illustrium quondam patria fertili, quanta hodie solitudo! Neque id ceterum mirandum, quum ad partes medicinae multifarias amplecteudas, postea separatim excultas, unius hominis non amplius sufficiat eruditio. Quae quum ita sint, acquiescamus profecto, si praeceptorem deprehendimus probum, veritatis studiosum, discendi cupidum, non vaniloquum, non sciolum, quoniam et haec sunt pretiosissima.

Quae tandem de *Methodo* observandi vobis, AA. HH., afferre potuissem, de iis si nunc prolixius agere voluissem, patientia vestra abuterer. Generaliora, quae huc spectant, comprehendam sequentibus.

a) Visitatio aegrotorum sit quotidiana, eaque duplex, altera matutina, altera vespertina. Qui ex ratione temporis sui diebus alternis, aut rarius, nosocomia adeunt, parum vel nihil observare discunt, quum morborum status non per diem modo, sed per diei etiam partem variet. Quod imprimis febrilium morborum observationem spectat. Ceterum tumultuaria opera et intermissa, tum his, tum aliis negotiis seriis non conveniunt.

b) Examen morbi methodo genetica, vel analytica, majoris vero certitudinis gratia utraque simul juncta instituendum.

c) Morborum observandorum componantur descriptiones, nec prolixae, nec breves, sed succinctae, sine ambagibus, sine commemorationibus inutilibus. Haec pericula, vel medicis expertissimis maxime solemnia, juvenile ingenium admodum acuunt, atque in posterum multum prosunt, imprimis si copiam rerum pathologicarum continent. Cujus generis optima, ast pauca possidemus scripta. Causa haeret procul dubio in eo, quod homines magis ad disserendum, quam observandum, magis ad docendum, quam discendum sint proni.

Qui observationes proprias ac veras facturus et conscripturus est, eum ab omni notionum acquisitarum jugo liberum esse oportet, ut eruditione scholastica quasi prorsus exuta, morborum indolem de integro conspiciat et consignet. „Accedamus, inquit Hallerus, ad opus non eo animo, ut videamus, quae auctor quis descripsit, sed ea voluntate, ut videamus, quae natura facit.“ Profecto, si alicubi, hic potissimum dubitatio sapientiae fons est et principium.

d) Unum tandem, quod restat, commemoratione dignum puto. Quum nostra aetate doctrinae medicae partes tam multifariae sint, tamque diversae, et quum in omnibus aeque proficere non unius sit hominis, prudenter faciunt, qui in hac, aut altera artis medicae parte potissimum versantur, in eaque uberiores et copiosiores observationes sibi comparant. Qui hac ratione in partes speciales incubuerunt, eos prae ceteris et arti et generi humano profuisse videmus.

Haec sunt, AA. NN., quae de studio medicinae practico, observatione morborum consequendo, proferre, eaque potius sermone, quam oratione absolvere, in animo habui. Bene autem video, me modo rerum capita tetigisse, considerationibus specialibus protinus omissis, neque ob temporis hujus rationem et argumenti copiam me aliter facere potuisse. Propterea si quid levius tetigi, id judicio vestro derelictum habeatis; si vero quid audacius, quam verius me dixisse judicetis, id ardori, quo obstacula artis nostrae profligare studui, tribuatis rogo.

Ad vos tandem, Juvenes Ornatissimi, sermonem meum converto, atque maxime desidero, ut vos imprimis hanc normam discendi semper sequamini, et quocunque inevitabile fatum vos demum conferat, ubique salutem ac lactitiam generi humano vobiscum adportetis, sicque sollicitudinibus ILLIUS, a Quo tantis beneficiis hucusque cumulati fuistis, nec non nostris qualibuscunque laboribus, vestri gratia susceptis, penitus respondeatis.

Краткій Отчетъ о состояніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета за 183$\frac{8}{9}$ Академическій годъ.

Университетскій Совѣтъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава, при настоящемъ Торжественномъ Актѣ, имѣетъ честь представить, ПП. ПП., краткій Отчетъ о состояніи Московскаго Университета за минувшій Академическій годъ.

Учебныя занятія Университета начались испытаніемъ желающихъ поступить въ Студенты, въ присутствіи Его Сіятельства Г. Попечителя и Его Превосходительства Г. Помощника Попечителя. Изъ явившихся на испытанія 195 учениковъ, признаны способными къ слушанію Профессорскихъ лекцій 144. Сверхъ того приняты безъ испытанія: окончившіе курсъ наукъ въ 1 й Московской Гимназіи 9 учениковъ, изъ Московскаго Дворянскаго Института 5 воспитанниковъ (*), воспитанниковъ Учебныхъ Заведеній Царства Польскаго 7, изъ другихъ Университетовъ, Академій и Лицеевъ 15.

Вообще въ истекшемъ Академическомъ году находилось въ Университетѣ Профессоровъ и Преподавателей 45, учащихся 677, именно: Философскаго Факультета въ 1-мъ Отдѣленіи 107, во 2-мъ Отдѣленіи 122. Въ Юридическомъ 203, и въ Медицинскомъ Факультетѣ 245.

Согласно съ Высочайше утвержденнымъ Уставомъ, преподаваніе учебныхъ предметовъ распредѣлено было Университетскимъ Совѣтомъ, съ утвержденія Г. Попечителя, въ 1-мъ и 2-мъ Отдѣленіи Философскаго и Юридическаго Факультетовъ на 4, а въ Медицинскомъ Факультетѣ на 5 курсовъ, и Студенты не иначе допускались къ слушанію лекцій высшихъ курсовъ, какъ по выдержаніи надлежащаго испытанія въ наукахъ, опредѣленныхъ для низшихъ курсовъ. Учебные предметы, входящіе въ составъ каждаго Факультета и Отдѣленія, преподаваемы были слѣдующими Гг. Профессорами и Преподавателями: *въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета*: 1. Греческая Словесность и Древности, Докторомъ Филологіи *Гофманомъ* и Адъюнктомъ *Оболенскимъ;* 2. Римская Словесность и Древности, Орд. Проф. *Крюковымъ* и Учителемъ *Клиномъ;* 3. Россійская Словесность и Исторія Рос-

(*) Ученики 1-й Московской Гимназіи освобождены были отъ экзамена въ Университетъ съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, а воспитанники Дворянскаго Института подвергались испытанію въ самомъ Институтѣ, въ присутствіи назначенныхъ Г. Попечителемъ Профессоровъ Университета.

сійской Литературы, Орд. Проф. *Давыдовымъ;* 4. Исторія и Литература Славянскихъ нарѣчій, Заслуженнымъ Проф. *Качеповскимъ;* 5. Древняя Исторія, Орд. Проф. *Крюковымъ;* 6. Россійская Исторія, Орд. Проф. *Погодинымъ;* 7. Политическая Экономія и Статистика, Экстр. Орд. Проф. *Чивилевымъ. Во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета:* 1. Чистая Математика, Экстр. Орд. Проф. *Зерновымъ;* 2. Прикладная Математика, Орд. Проф *Брашманомъ;* 3. Астрономія и Геодезія, Орд. Проф. *Перевощиковымъ;* 4 Физика, въ началѣ Акад. года Орд. Проф *Веселовскимъ*, а потомъ, за болѣзнію его, съ Октября мѣсяца преподаваніе сей науки, по распоряженію Начальства, поручено Орд. Проф. *Перевощикову;* 5. Химія, Орд. Проф. *Гейманомъ;* 6. Минералогія и Геогнозія, Орд. Проф. *Щуровскимъ;* 7. Ботаника, Орд. Проф. *Фишеромъ;* 8. Зоологія, Орд. Проф. *Ловецкимъ;* 9. Сельское Хозяйство, Орд. Проф. *Павловымъ. Въ Юридическомъ Факультетѣ:* 1. Энциклопедія Законовѣдѣнія, Россійскіе Государственные Законы, Исторія Германскаго Законодательства и обозрѣніе нынѣ дѣйствующаго Иностраннаго Государственнаго Законодательства, Орд. Проф. *Рѣдкинымъ;* 2. Римское Законодательство и Исторія онаго, Орд. Проф. *Крыловымъ;* 4. Исторія Россійскаго Законодательства, Законы Гражданскіе и Россійское Практическое Судопроизводство, Орд. Проф. *Морошкинымъ;* 5. Законы Полицейскіе и Уголовные и Общенародное Правовѣдѣніе (Jus gentium), Орд. Проф *Баршевымъ;* 6. Законы о Государственныхъ повинностяхъ, Финансахъ, Благоустройства и Благочинія, Орд. Проф. *Васильевымъ;* 7. Церковное Законовѣдѣніе, Проф Богословія Протоіереемъ *Терновскимъ. Въ Медицинскомъ Факультетѣ:* 1. Анатомія человѣческаго тѣла и Патологическая Анатомія, Орд. Проф. *Эйнбродтомъ;* 2. Физіологія и Общая Патологія, Орд. Проф. *Филомафитскимъ;* 3. Врачебное веществословіе, Общая Терапія, Гигіена и ученіе о Минеральныхъ водахъ (въ смыслѣ врачебномъ), Экстр. Орд Проф. *Анке;* 4. Токсикологія, Фармація, Рецептура и ученіе о Минеральныхъ водахъ (въ смыслѣ химическомъ), Экстр. Орд. Проф. *Іовскимъ;* 5. Частная Патологія, Терапія и Семіотика, Орд. Проф. *Сокольскимъ;* 6. Клиника внутреннихъ болѣзней (Терапевтическая) и Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ, Орд. Проф. *Буше;* 7. Хирургія Теоретическая, Орд. Проф. *Альфонскимъ;* 8. Хирургія Оперативная, Хирургическая Анатомія и Хирургическая Клиника, Орд. Проф. *Иноземцевымъ* и Ад. *Гильтебрандтомъ;* 9. Десмургія и Офтальмологія, Орд. Проф. *Эвеніусомъ;* 10. Повивальное искусство и Наука о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, Орд Проф. *Рихтеромъ;* 11. Ветеринарная наука, Орд. Проф. *Страховымъ;* 12. Судебная Медицина, Медицинская Полиція, Исторія и Литература Медицины, испр. долж. Орд. Проф. *Арнфельдомъ.* Студенты 1-го курса всѣхъ Факультетовъ, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ наукъ каждаго Факультета и Отдѣленія, слушали лекціи: 1. Богословія и Церковной Исторіи—Проф. Протоіерея *Терновскаго,* 2 Логики—Магистра *Терновскаго-Платонова,* 3. Русской Словесности—Орд. Проф. *Давыдова.* Преподаваніе Латинскаго языка въ Юридическомъ и Медицинскомъ Факультетѣ раздѣлено было между Ад. *Кубаревымъ* и Учителемъ *Клиномъ;* Француз-

ской Словесности обучали Лектора *Пако* и *Куртенеръ*, а Нѣмецкой—*Герингъ* и *Книрилъ*, по Факультетамъ, съ раздѣленіемъ на курсы.—Классы Англійскаго и Италіанскаго языковъ Лекторовъ *Гарве* и *Рубини* посѣщали желающіе изъ учащихся. Въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета Древнюю и Россійскую Исторію, Политическую Экономію и Статистику слушали и Студенты Юридическаго Факультета, а во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета, Физику, Химію, Ботанику, Зоологію и Минералогію, Студенты Медицинскаго Факультета, въ опредѣленныхъ курсахъ; Студентамъ 4 го курса 1 го и 2 го Отдѣленія Философскаго и 5 го Медицинскаго Факультетовъ изложены были въ особомъ курсѣ Проф. *Рѣдкинымъ*, послѣ объясненія общихъ Юридическихъ положеній, Россійскіе Государственные и Губернскіе Учрежденія и Законы о состояніяхъ, какъ необходимые предметы при поступленіи на службу.

Кромѣ означенныхъ общихъ Университетскихъ лекцій, по распоряженію Его Сіятельства Г-на Попечителя, Проф. *Павловъ* читалъ публичныя лекціи *Сельскаго Хозяйства*, а Проф. *Гейманъ* курсъ *Технической Химіи* для Московскихъ фабрикантовъ.

Съ Высочайшаго соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, путешествуютъ за границею: Экстр. Орд. Проф *Шевыревъ* для усовершенствованія себя въ древней Филологіи и Теоріи изящныхъ искусствъ, Ад. *Топоровъ* для обозрѣнія важнѣйшихъ Госпиталей и Больницъ, Орд. Проф. *Иноземцевъ* отправился съ минувшаго Мая для узнанія новыхъ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ Хирургіи, а Орд. Проф. *Погодинъ* въ Январѣ уволенъ для излѣченія болѣзни; отправленные въ прежнихъ годахъ за границу на счетъ Университета Кандидаты: *Драшусовъ*, *Грановскій* и Магистръ *Бадянскій*, по окончаніи опредѣленныхъ сроковъ, должны въ семъ году возвратиться въ Университетъ. Предметами ученыхъ занятій назначены: *Грановскому* — Всеобщая Исторія, *Драшусову* — науки Математическія и въ особенности Астрономія, а *Бадянскому*—Славянскія нарѣчія.

По Высочайшему повелѣнію, Орд. Проф. *Щуровскій* былъ командированъ на шесть мѣсяцевъ для обозрѣнія Уральскаго Хребта въ Геологогеогностическомъ отношеніи. Объ этомъ путешествіи Профессоромъ составляются особыя Записки, которыя въ скоромъ времени будутъ изданы.

Университетъ лишился знаменитаго своего Почетнаго Члена *Графа Михаила Михайловича Сперанскаго.*

Въ преподавателяхъ произошли слѣдующія перемѣны: 1) По распоряженію Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, Ординарные Профессоры Университета Св. Владиміра *Даниловичъ* и *Якубовичъ* перемѣщены въ Московскій Университетъ, а Адъюнктъ сего Университета *Кубаревъ* въ Университетъ Св. Владиміра Экстраорд. Профессоромъ. 2) Опредѣлены: Адъюнктами воспитанники Главнаго Педагогическаго Института *Спасскій* по каѳедрѣ Физики, *Лешковъ* по Юридическому Факультету, и Докторъ Медицины *Варвинскій*

по Медицинскому Факультету (1); сторонним Преподавателемъ Учитель Москов. Дворянскаго Института *Клинъ*; Учителемъ рисованія Польскій уроженецъ *Гадзевичъ*. 3) Утверждены: Ординарными Профессорами: Экстр. Орд. Профессоры *Морошкинъ* и *Щуровскій*; Экстра-Орд. Профессоромъ Ад. *Анке*; Лекторами: сторонніе Преподаватели: Французскаго языка, Титуляр. Совѣт. *Куртенеръ*, и Нѣмецкаго, Титулярный Совѣт. *Книрим*. Инспекторами надъ частными въ Москвѣ Учебными заведеніями: Орд. Прфс. *Крюковъ* и Экстр. Орд. Проф. *Чивилевъ*; Цензоромъ Москов. Цензурнаго Комитета, Орд. Проф. *Крыловъ*. 4) Уволенъ, по прошенію, за болѣзнію, Орд. Проф *Веселовскій*, съ пенсіею двухъ третей оклада жалованья. 5) Магистръ *Акимовъ* причисленъ къ Университету, на одинъ годъ, для изученія Архитектуры, съ тѣмъ, чтобы онъ, по выдержаніи предварительнаго испытанія въ Академіи Художествъ, могъ быть отправленъ для усовершенствованія въ семъ предметѣ за границу на счетъ Университета. 6) Съ Высочайшаго Соизволенія опредѣлены: Орд. Проф. *Страховъ*, Директоромъ Москов. Комерческаго Училища; Орд. Проф. *Брашманъ*, Инспекторомъ классовъ въ Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины и Александровскомъ Училищѣ; Испр. долж. Орд. Проф. *Армфельдъ*, Инспекторомъ классовъ при Институтѣ для Оберъ-Офицерскихъ сиротъ Москов. Воспитательнаго Дома. 7) Всемилостивѣйше пожалованы Орденами: Св. Владиміра 3й ст. Ректоръ Университета, Заслуженный Профессоръ *Качеовскій*; Св. Станислава: 2 й ст. Ор. Проф. *Альфонскій*, по званію Главнаго Врача Москов. Воспитательнаго Дома; того же Ордена 3й ст. Орд. Проф. *Рихтеръ*, по званію Директора Повивальнаго Института Москов. Воспит. Дома, и Орд. Проф. *Эвеніусъ*, по званію Главнаго Доктора Москов. Градской Больницы; Св. Анны 3й ст. Орд. Проф. *Иноземцевъ*; Св. Станислава 4 й ст. Лекторъ *Куртенеръ*, по службѣ въ Московскомъ Александровскомъ Училищѣ. 8) Произведены: въ Коллежскіе Совѣтники Орд. Профессоры: *Васильевъ*, *Фишеръ*, *Погодинъ* и *Брашманъ*. 9) Награждены знакомъ отличія безпорочной службы: за XV лѣтъ Орд. Пр. *Рихтеръ*, *Погодинъ*, *Гейманъ*, Экстр. Орд. Проф. *Іовскій*, Ад. *Оболенскій*; за XX лѣтъ: О. Профессоры *Павловъ*, *Альфонскій*, Инспекторъ Студентовъ *Нахимовъ*, Синдикъ *Захаровъ*, Помощникъ Библіотекаря *Пробстъ*. За XXV лѣтъ О. Профессоры *Давыдовъ* и *Перевощиковъ*; за XXXV лѣтъ Заслуженный Профессоръ *Качеовскій*.—10) Изъявлена признательность Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія: Орд. Профессорамъ *Давыдову* и *Брашману*, за усердіе и труды ихъ по званію Инспекторовъ надъ частными въ Москвѣ Учебными заведеніями; Орд. Профессорамъ *Давыдову*, *Перевощикову*, *Ловецкому* и Проф. Протоіерею *Терновскому*, за изданныя ими книги.

Въ продолженіе минувшаго Акад. года удостоены ученыхъ степеней и разныхъ Медицинскихъ и Фармацевтическихъ званій:

---

(1) Гг. Спасскому и Лешкову производится экзаменъ на степень Доктора, а Варвинскому поручено было во 2 мъ полугодіи чтеніе лекціи о первыхъ болѣзняхъ. Назначеніе учебныхъ предметовъ Г-мъ Профессорамъ Даниловичу и Якубовичу и Адъюнкту Лещкову должно послѣдовать въ будущемъ Акад. году.

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, о дозволеніи преподавателямъ Лицеевъ, не имѣющимъ званія Профессоровъ, для полученія Магистерской степени написать диссертаціи и публично защищать оныя въ одномъ изъ Университетовъ, испр. должность Адъюнкта Ришельевскаго Лицея *Мурзакевичъ*, послѣ публичнаго защищенія сочиненнаго имъ разсужденія: *Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму*, по удостоенію Университетскаго Совѣта, утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ степени *Магистра* (*).

2. Кандидатъ *Драшусовъ*, въ степени *Магистра Математическихъ наукъ*.

3. Степени *Доктора Медицины*: *Лекари*: *Павелъ Заблоцкій-Десятовскій*, *Графъ Михаилъ Толстой*, *Николай Скаренниковъ*, *Иршархъ Зыревъ*, *Христіанъ Декуртень*, *Алексѣй Строгановъ* (**).

4. Званія *Медико-Хирурга*, Лекарь Могилевскаго пѣхотнаго полка *Могилевичъ*.

5. Званія *Штабъ-Лекаря*: Ординаторъ Екатерининскаго Богадѣльнаго Дома въ Москвѣ Лекарь *Кетчеръ*, Полковые Лекари: *Харькевичъ* и *Логиновскій*, Уѣздные Врачи: *Сергѣй Лебедевъ*, *Алексѣй Щировскій*, Лекарь *Карлъ Блюмъ* (***).

6. Званія *Лекаря*: Доктора Иностранныхъ Университетовъ *Маресевичъ де-Крешево* и *Гиршъ*.

7. Званія *Зубнаго Лекаря* 1. Званія *Повивальной Бабки* 9, разныхъ Фармацевтическихъ званій: a) *Аптекаря* 8, b) *Провизора* 14, c) *Гезеля* 9.

8. По произведенному испытанію въ 1 и 2 Отд. Философскаго Факультета признаны способными къ занятію Учительской должности въ Москов. Коммерческомъ Училищѣ 2 Чиновника.

9. По испытаніи, согласно съ Высочайше утвержденнымъ 1 Іюля 1834 г. Положеніемъ, удостоены Званія *Домашнихъ Учителей и Учительницъ* 34, въ томъ числѣ Россійскихъ подданныхъ 22, и иностранцевъ 12.

Кромѣ настоящихъ должностей, слѣдующіе Гг. Профессоры и Преподаватели занимались особыми учеными трудами: Орд. Проф. *Давыдовъ* издалъ *чтеніе о Словесности курсъ* 4-й; Орд. Проф. *Перевощиковъ*

(*) На семъ же основаніи представлены въ Университетъ сочиненія исправ. долж. Профессоровъ Демидовскаго Лицея *Ѳедотовымъ*, *Лукьяновымъ* и *Воздвиженскимъ*; изъ нихъ сочиненіе Ѳедотова, *О главнѣйшихъ трудахъ по части критической Русской Исторіи*, одобрено 1 отд. Фил. Факультета и напечатано уже для публичнаго диспута, а разсужденія Лукьянова и Воздвиженскаго разсматриваются еще во 2 Отд. Философ. Факультета.

(**) Для полученія ученыхъ степеней, означенныя лица публично защищали диссертаціи: Драшусовъ „*О кривизнѣ поверхностей около каждой изъ точки*;“ Заблоцкій-Десятовскій „*De Solpuga arachnoide circa mare Caspium vivente*;“ Графъ Толстой „*De Strychnino*;“ Скаренниковъ „*De febre morborum comite*;“ Зыревъ „*De arteriarum hominis fabrica et indole*.“ Де Куртень „*De Creosoto*;“ Строгановъ „*De Methodo Endermatica*.“

(***) Для полученія званія Штабъ-Лекаря представлены сочиненія: Кетчеромъ „*о синильной кислотѣ*;“ Харкевичемъ „*объ острой перелом*ѣ;“ Логиновскимъ „*о дѣтской болѣзни: хорча сортаннаго отверстія*;“ Лебедевымъ „*Медикотопографическое описаніе города Лихвина и уѣзда*;“ Щировскимъ „*объ Апоплексіи*;“ Блюмомъ „*Laryngitis et Trachitis*.“

XII книжку *Ручной Математической Энциклопедіи*, содержащую 2 часть *Физики;* Орд. Проф. *Павловъ* издаетъ *Журналъ* современнаго сельскаго хозяйства подъ названіемъ — *Русскій Земледѣлецъ;* Орд. Проф. *Ловецкій* издалъ *Начальныя Основанія Зоологіи — Мильна Едуарда* 2 части, переводъ съ Французскаго; Орд. Проф. *Погодинъ*, *Историко-Критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ лѣтописей;* подъ надзоромъ Орд. Проф. *Эйнбродта* издана *Анатомія Клоке*, и три тетради *Анатомическаго Атласа;* Орд. Проф. *Сокольскій* оканчиваетъ печатаніе *Гуфландова* сочиненія *Enchiridion Medicum*, и написалъ *Изслѣдованіе патологическихъ свойствъ воспаленія лёгочной и сосѣдственныхъ ей тканей;* Экстр. Орд. Проф. *Зерновъ* печатаетъ *Руководство для Дифференціальнаго и Интегральнаго исчисленій;* Эк. Ор. Проф. Іовскій издаетъ *Надежнѣйшіе способы для открытія мышьяка;* Ад. *Кубаревъ* напечаталъ *Краткую Латинскую Грамматику Цумпта* 3 изд., и *Собраніе Темъ Дронке* 2 изд., и составилъ: *Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ;* Лекторъ *Пако*, по порученію Унив. Совѣта, издалъ: *Choix dans les Orateurs et dans les Poètes Français* chronologiquement classés, avec une notice sur la vie de chacun d'eux, а Лекторъ *Рубини — Божественную комедію Данта;* Лекторъ Куртенеръ издалъ *le Jeune Geographe.*

Учебныя пособія Университета получили значительное приращеніе. *Въ Библіотеку* поступило вновь 1100 сочиненій въ 1869 томахъ; *въ Физическій Кабинетъ* 6 инструментовъ и снарядовъ; *въ Музей Естественной Исторіи* чучелъ животныхъ млекопитающихъ и птицъ 129, минераловъ (пожертвованныхъ Проф. Щуровскимъ и собранныхъ во время путешествія его по Уралу) 56; *въ Обсерваторію* 1 снарядъ; *въ Химическую лабораторію* 520 инструментовъ; *въ Монетъ-Кабинетъ* 18 монетъ и медалей; *въ Анатомическій Кабинетъ* 80, *а въ Зоотомическій* 85 препаратовъ (*). *Въ Ботаническій садъ* были доставлены отъ Императорскаго С-Петербургскаго Ботаническаго сада и посторонннихъ лицъ новыя сѣмена и виды растеній. Вообще учебныя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1. *Въ Библіотекѣ* 46,540 сочиненій въ 65,079 томахъ. 2. *Въ Музеѣ Естественной Исторіи* чучелъ животныхъ и минераловъ 50,546. 3. *Въ Учебномъ Минералогическомъ Кабинетѣ* 3,800 минераловъ и 20 инструментовъ. 4. *Въ Физическомъ Кабинетѣ* 344 инструмента и снаряда, 5. Въ *Монетъ-Кабинетъ* 1,614 монетъ и медалей. 6. Въ *Гербаріумѣ* 17,627, 7. *въ Ботаническомъ саду* 5,985 видовъ растеній. 8. *Въ Химической Лабораторіи* разныхъ химическихъ веществъ, препаратовъ и реагентовъ, видовъ хрусталей, приготовленныхъ изъ воска, снарядовъ и инструментовъ 2,527. 9. *Въ Технологическомъ Кабинетѣ* разныхъ веществъ по заводамъ и фабрикамъ 271 и 7 моделей. 10. *Въ Анатомическомъ Кабинетѣ* 5,550 препаратовъ и 481 инструментъ. 11. *Въ Зоотомическомъ Кабинетѣ* 439 препаратовъ и 178 инструментовъ. 12. *Въ Десмургическомъ Кабинетѣ* и для класса *Офтальмологіи* 233 снаряда и инструмента. 13. *Фармацевтическій Кабинетъ* состоитъ изъ раз-

(1) Сіи препараты изготовлены Прозекторами Московскаго Университета *Шмидтомъ* и *Басовымъ*.

ныхъ препаратовъ и медикаментовъ, употребляемыхъ на лекціяхъ Фармаціи, Токсикологіи и Рецептуры. Сверхъ того при Университетѣ находится *особая Библіотека*, собственно для употребленія казенныхъ воспитанниковъ, въ которой находится 1,955 сочиненій и 106 періодическихъ изданій.

Въ Университетскихъ Клиникахъ находилось больныхъ: 1) въ *Терапевтической* 88; изъ нихъ выздоровѣло 79, получили облегченіе 3, умерло 6, приходило за совѣтами 512. 2) *Въ Хирургической* 61; изъ нихъ выздоровѣло 44, умерло 4, выпущено по неизлечимости 2, получившихъ облегченіе и не желавшихъ оставаться въ Клиникѣ 9, остается 2, приходило за совѣтами 446, изъ которыхъ большая часть выздоровѣли, умеръ 1. Операцій сдѣлано 91. 3) *Въ Акушерскомъ Институтѣ* роженицъ 158, умершихъ не было. 4. *Въ Студенческой Больницѣ* находилось 1606 ольныхъ; изъ нихъ выздоровѣло 141, умерло 5, остается 14, приходило за совѣтами 280. Всѣ Студенты 5 го курса участвовали въ леченіи больныхъ и въ производствѣ операцій подъ непосредственнымъ руководствомъ Профессоровъ Клиникъ; больные бѣднаго состоянія пользованы были безъ всякой платы, а приходящіе изъ нихъ получали лекарства безденежно въ Университетской Аптекѣ. Въ Клиникахъ находится разныхъ препаратовъ, инструментовъ и снарядовъ 1126. — *Въ Аптекѣ Университета*, кромѣ приготовленія лекарствъ въ Университетскія Клиники и Больницы и на общихъ правилахъ въ вольную продажу, дѣланы были особо фармацевтическіе препараты экзаменовавшимися на разныя фармацевтическія званія.

Въ Университетской Типографіи отпечатано разнаго званія книгъ и диссертацій на ученыя степени 73. Собрано за Московскія Вѣдомости, объявленія и книги 554,461 руб.; употреблено въ разходъ 199,969 руб.

Состоящія при Университетѣ *Ученыя Общества* продолжали свои занятія: 1) *ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Испытателей Природы* имѣло семь обыкновенныхъ и одно чрезвычайное засѣданіе, въ которыхъ читано 23 сочиненія Членовъ; напечатаны 3, 4 и 5 книжки *повременнаго изданія Общества* 1838 года и *первая книжка* 1839 года, со многими таблицами, и окончен печатаніемъ *XII томъ Записокъ*. Общество лишилось дѣятельныхъ и полезныхъ Членовъ своихъ, умершихъ въ семъ году: *Криницкаго, Фальдермана, Флейшера, Вильперта, Фридерика Кювье, Графа Штернберга* и *Шамиссо*. Вновь избрано Дѣйствительныхъ Членовъ 23. Всѣхъ Членовъ состоитъ 870. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1838 года по прошенію уволенъ отъ должности втораго Секретаря Дѣйствительный Членъ *П. А. Ушаковъ* и на мѣсто его избранъ Дѣйствительный же Членъ, Адъюнктъ-Профессоръ *Рулье*. Въ Библіотеку поступило отъ Россійскихъ и иностранныхъ Учебныхъ заведеній, Ученыхъ Обществъ, Членовъ Общества и другихъ лицъ 57 Записокъ и различныхъ сочиненій; доставленныя же изъ разныхъ мѣстъ естественныя произведенія переданы въ Музей Университета, а нѣкоторыя хранятся въ помѣщеніи Общества. II) *ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ* имѣло 4 засѣданія, въ которыхъ читано 8 Историческихъ раз-

сужденій и изслѣдованій. Обществомъ изданы: 1) *Повѣствованіе о Россіи*, составленное Д. Членомъ *Арцыбышевымъ* въ 2 томахъ; 2) 2 я книжка *Русскаго Историческаго Сборника;* за сіи изданія Общество имѣло щастіе получить Высочайшее благоволеніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и 3) *Несторъ, Историческо-Критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ лѣтописей*, соч. Д. Члена *Погодина*. Д. Членъ *Снегиревъ* занимается, по порученію Начальства, *описаніемъ Московскихъ древностей* и печатаетъ 3 ю книжку *Историческаго Сборника*. Общество состоитъ изъ Членовъ: 26 Почетныхъ, 74 Дѣйствительныхъ, 3 Благотворителей, 29 Соревнователей и 2 Корреспондентовъ. Пожертвовано Обществу: 3 мѣдныя Китайскія монеты, 30 старопечатныхъ книгъ, 17 новой печати и 25 рукописей; важнѣйшее приношеніе сдѣлано Благотворителемъ П. П. Царскимъ. III) *Общество Физико-Медицинское* имѣло 10 засѣданій, въ которыхъ читано 39 сочиненій Членовъ и 2 присланные отъ другихъ лицъ. Должность Секретаря Латинской и Русской Корреспонденціи, и на время отсутствія Адъюнкта Топорова должность Казначея, исправлялъ Эк. Ор. Профессоръ *Анке*. Вновь избрано Дѣйствительныхъ Членовъ 13 и Членовъ-Корреспондентовъ 5. Нынѣ всѣхъ Членовъ 261.

По окончаніи Академическаго года, Студенты и Слушатели Университета, окончившіе опредѣленный Уставомъ курсъ ученія, подвергались испытанію въ Факультетахъ и Отдѣленіяхъ на ученыя Степени и Званія. По общемъ соображеніи познаній, прилежанія и поведенія означенныхъ Студентовъ, Университетскимъ Совѣтомъ, согласно заключенію Факультетовъ, удостоены:

Степени Кандидата:

1 го Отдѣленія Философскаго Факультета.

Дѣйствительный Студентъ Александръ Андре.

Студенты:

1. Василій Пановъ.
2. Петръ Переплесскій (казенный воспитанникъ).
3. Александръ Терновскій.

2 го Отдѣленія Философскаго Факультета.

Дѣйствительный Студентъ Иванъ Галаховъ.

1. Станиславъ Мацѣевскій } казенные
2. Александръ Раменскій } воспитанники
3. Николай Квитницкій
4. Помпей Пассекъ
5. Петръ Александровъ (слушатель)
6. Петръ Филиповъ—(казенный воспитанникъ)

} по отдѣленію Математическихъ Наукъ.

7. Александръ Ершовъ
8. Александръ Соколовъ

} по отдѣленію Естественныхъ Наукъ.

Юридическаго Факультета.

1. Александръ Поповъ.
2. Даніилъ Шумахеръ

3. Константинъ Кавелинъ.
4. Аполлонъ Ральгинъ.
5. Андрей Спадлеръ

Званія Дѣйствительнаго Студента:

1 го Отдѣленія Философскаго Факультета.

1. Николай Ригельманъ.
2. Николай Петропавловскій.
3. Дмитрій Добромысловъ } казенные воспитанники.
4. Николай Еленевъ }
5. Павелъ Яворскій.
6. Константинъ Просвирнинъ (Слушатель).
7. Романъ Никулинъ (казенный воспитанникъ).
8. Иванъ Ершовъ.
9. Василій Войцѣховскій (казенный воспитанникъ).
10. Адольфъ Наумовъ.
11. Князь Борисъ Мещерскій.
12. Михаилъ Людоговскій.
13. Александръ Филимоновъ.
14. Петръ Ершовъ.

2 го Отдѣленія Философскаго Факультета.

1. Ростиславъ Павловъ.
2. Александръ Заболоцкій (казенный воспитанникъ).

Юридическаго Факультета.

1. Алексѣй Гамбурцевъ (воспитанникъ Моск. Восп. Дома).
2. Константинъ Шильдбахъ (Слушатель).
3. Петръ Тимковскій (воспитан. Моск. Восп. Дома).
4. Егоръ Есиповичъ
5. Ѳедоръ Губеръ
6. Василій Толбинъ.
7. Иванъ Александровскій.
8. Алексѣй Головачевъ.
9. Автономъ Даниловъ.
10. Александръ Петровъ.
11. Василій Коптевъ.
12. Николай Астальцевъ.
13. Николай Пятницкій.
14. Дмитрій Хрущовъ.
15. Графъ Александръ Гудовичъ.
16. Сергѣй Левицкій.
17. Павелъ Тешъ.

Въ Медицинскомъ Факультетѣ: *Званія Лекаря.*

1-го Отдѣленія:

1. Иванъ Орловъ } съ отличіемъ } казенные
2. Александръ Невскій } воспитанники.
3. Николай Малининъ }

4. Григорій Ахвердовъ.
3. Михаилъ Барсовъ.
6. Николай Иковъ
7. Александръ Высоцкій
8. Василій Тростянскій
9. Матвѣй Алякритскій
10. Михаилъ Кропотовъ

} казенные воспитанники.

11. Викторъ Тимротъ.
12. Иванъ Кенигшацъ (Слушатель).
13. Евплъ Орловъ (каз. воспитанникъ).
14. Отто Любичанковскій.
15. Сергѣй Іоаннесовъ (Слушатель).
16. Василій Делекторскій
17. Петръ Малининъ
18. Дмитрій Петровъ

} казенные воспитанники.

19. Иванъ Бушцке (Слушатель).
20. Іосифъ Демашкевичъ-Ольшанскій.

2-го Отдѣленія:

21. Александръ Рудневъ
22. Викторъ Сшарковъ
23. Филаретъ Бахтіаровъ
24. Василій Вишняковскій
25. Василій Левицкій
26. Михаилъ Халуйскій
27. Тимофей Алитовскій
28. Александръ Кулешъ

} казенные воспитанники.

29. Антонъ Косинскій
30. Едуардъ Янъ.
31. Михаилъ Собакинскій (восп. Моск. Восп. Дома) (*).

На основаніи 103 ст. Устава, за лучшія сочиненія на заданныя темы (**) награждаются медалями: *золотыми*: Философскаго Факуль-

---

(*) Имена и фамиліи Кандидатовъ, Дѣйствительныхъ Студентовъ и Лекарей означены здѣсь въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по степени своихъ познаній, оказанныхъ при испытаніи.

(**) На полученіе медалей заданы были для сочиненій темы: въ 1 Отдѣленіи Философскаго Факультета: *о вліяніи внѣшней природы на народъ и государство*; во 2 отдѣленіи Философскаго Факультета: *изложить исторически теорію горѣнія и теорію химическихъ пропорцій;* въ Юридическомъ Факультетѣ: *о владѣніи* (de possessione); въ Медицинскомъ Факультетѣ: Describantur accuratius cantharides; exponantur ea, quae illis et in ventriculum ingestis et cuti applicitis exoriuntur phaenomena, usus denique enarretur earum therapeuticus. Fiat praeterea mentio medicaminum, usui et interno et externo inservientium quae cantharidibus prope accedunt, demonstrato etiam discrimine quod inter singula intercedit.

тета во 2 Отдѣленіи, Слушатель *Петръ Александровъ;* въ Юридическомъ Факультетѣ, своекоштный Студентъ *Константинъ Кавелинъ*, и въ Медицинскомъ: казенный воспитанникъ *Павелъ Лиловъ; серебряными*: въ 1 Отдѣленіи Философскаго Факультета своекоштный Студентъ *Аѳанасій Быковъ*, во 2 Отдѣленіи казенный воспитанникъ *Иванъ Дмитревскій*, и въ Медицинскомъ Факультетѣ своекоштный Студентъ *Еманулъ Рубенштейнъ*. Сверхъ того, признаны также достойными награжденія серебряными медалями, разсужденія Студентовъ въ 1 Отд. Философскаго Факультета *Ивана Паплонскаго* и въ Медицинскомъ Факультетѣ *Ернста Фонъ-дер-Фура*.

Въ настоящее время въ Московскомъ Университетѣ находится: 1) *по части ученой и учебной:* Почетныхъ Членовъ 38, Профессоровъ: Заслуженный 1, Ординарныхъ 26, исправ. долж. Орд. Профессора 1, Экстраординарныхъ 5, Адъюнктовъ 6, Лекторовъ 6, сторонних Преподавателей 3, Прозекторовъ и ихъ помощниковъ 4, Чиновниковъ при учебныхъ заведеніяхъ 18; 2) *по части хозяйственной и полицейской:* Инспекторъ, Помощниковъ его 6, Штатныхъ Чиновниковъ и Канцелярскихъ служителей 16; 3) *учащихся*: окончившихъ курсъ и удостоенныхъ ученыхъ степеней и званій: Кандидатовъ 17, Дѣйствительныхъ Студентовъ 33; удостоенныхъ степени Кандидата и званія Дѣйствительнаго Студента и Лекаря Слушателей 6. своекоштныхъ Лекарей 7. (1); продолжающихъ ученіе Студентовъ и Слушателей: воспитанниковъ: штатныхъ Университетскихъ 81, Московскаго Воспитательнаго Дома 36, Александринскаго Института 8, Бѣлорусскаго Учебнаго Округа 3, Учебныхъ Заведеній Царства Польскаго 16, Благороднаго Пансіона при Тифлисской Гимназіи 1, пользующихся пособіями съ благотвори-
тельныхъ капиталовъ 26, своекоштныхъ 590.

(1) 19 Казенныхъ воспитанниковъ, удостоенныхъ званія Лекаря, до времени распредѣленія ихъ на службу, поступили въ Московскій Военный Госпиталь, для дальнѣйшихъ практическихъ занятій.

2007051373